Наследник

Что мне делать, чтобы наследовать Жизнь Вечную? (Мк. 10,17)

3 2005

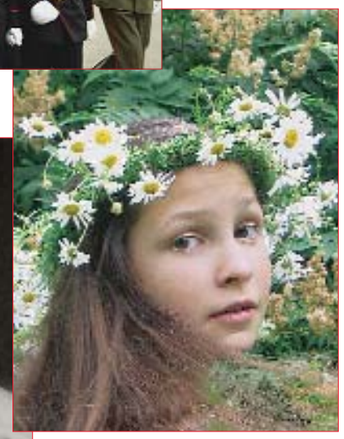

ЕСТЬ КРАСОТА

Тема номера: «КРАСОТА»

2 РАССКАЖУ В МОСКВЕ — НЕ ПОВЕРЯТ
Из записок русского путешественника

6 САМЫЙ КРАСИВЫЙ ДЕНЬ XX ВЕКА
Торжество над смертью

7 НЕ СНИМАЙТЕ ГЕОРГИЕВСКУЮ ЛЕНТОЧКУ

8 ПОХИЩЕННАЯ КРАСОТА
Необыкновенные приключения красоты в современном мире

12 КРАСОТА И БЕЗОБРАЗНОЕ
Эстетический взгляд на мир
Федор Гиренок, философ

14 Я СНОВА ПРИДУ К ТЕБЕ
Эта долина ждала меня сотни лет…

16 ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ ЖИВЕШЬ
В какой дом хочется возвращаться?

18 МЕГАПОЛИС — ЭТО НЕ ГОРОД
Мегаполис отличается от города так же, как город от деревни

22 ВКУС К РОДИНЕ
Переживание Родины на уровне высокого и развитого вкуса

О мужской красоте

24 ОН СКАЗАЛ: «Я МОГУ ИСПАЧКАТЬСЯ О ПОГОН!» — И БЫЛ УБИТ
Красота и война несовместимы?
Интервью с историком В. Л. Махначом

28 СИДИМ С ДЕВЧОНКАМИ
Женские разговоры о мужской красоте

30 ИМЯ ТВОЕ АЛЕКСЕЙ
Что значит быть человеком Божиим?

О женской красоте

35 АЛЕНА
Действительно красивая женщина

36 ТЫ РИСУЕШЬ НЕЗНАКОМУЮ ЖЕНЩИНУ
Нестандартный разговор о макияже

38 ЮБОЧКИ — ЭТО ОТДЕЛЬНАЯ ТЕМА
Модной — быть или не быть?

39 ОБВИНИТЕЛЬНИЦА
Она украсила себя для Бога

Создающие красоту

40 КЛАССИКА — ЭТО ОСНОВА ВСЕГО
Интервью с фотографом Александром Касперовичем

44 ХИРУРГИ-РОМАНТИКИ
Интервью с пластическим хирургом Сергеем Кравцовым

Ужасно красиво

48 ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ
Чем привлекает демоническая красота?

49 ЭТО ЗНАЛИ ДРЕВНИЕ ГРЕКИ
Ужасная Горгона была красива
Евгений Андреевич Авдеенко

Культ и культура

50 СУД БУДЕТ ГРОЗНЫМ, НО ПРЕКРАСНЫМ
Картина Корина «Русь уходящая» и Страшный суд

53 ВСТРЕЧА ПОД РОЖДЕСТВО
Исповедь кинематографиста

Наша почта

54 ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ
Школьная программа и живые люди

Наследник

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

Издание Новоспасского монастыря.

Православный молодежный журнал «Наследник» зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ №ФС77-21508.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов. Рукописи не возвращаются. Ответственность за содержание рекламных объявлений несет рекламодатель.

Над номером работали:

священник Максим Первозванский (главный редактор),

Василий Пичугин, Артем Ермаков, Наталья Зырянова (редакционный совет),

Анастасия Варчева (выпускающий редактор),

Виктория Рыженко (художественный редактор),

Зоя Антонова (ответственный секретарь),

Ирина Капитанникова (штатный корреспондент),

Алена Козель (рисунки),

Сергей Соков (фотограф),

Людмила Шкода (отдел распространения),

Ирина Журова (дизайн, верстка),

Денис Жуков (макет)

В детстве мы все легко привыкаем к тому, что сказочный герой обязательно должен быть красив. Речь идет, конечно, о положительном сказочном герое. Красота героя сама уже нам все о нем объясняет. Ведь красота, как правило, подразумевает и все остальные добродетели героя — ум, благородство, мужество и т. д. Поэтому красота является просто символом совершенства, то есть цельности личности героя. Красота наглядно показывает нам славу героя.

Когда же человек вырастет и узнает, что красивый совсем не обязательно означает хороший, то он испытывает сильное разочарование. Это, якобы истинное, знание для многих и является синонимом взросления. Взросления, которое тревожит в человеке старую боль об утраченном рае. Мир вдруг предстает несовершенным, и красота для нас теряет свою безусловность. Но теряет ли?

Может быть, сказочная правда говорит нам что-то очень важное о человеческой природе в целом? Не зря же современная западная цивилизация, создавшая общество потребления, давно поняла, что красота упаковки для многих людей является (на глубинном, неосознанном уровне) гарантом хорошего содержания. Вся современная культура построена на циничном использовании этого стереотипа сознания. Поэтому многие стремятся быть красивыми несмотря ни на что. Точнее, стремятся соответствовать тому, что именуется красивым. Так что же такое красота, причастность к которой для человека все равно остается самым безусловным свидетельством причастности к идеальному состоянию?

Думается, в поисках ответа на этот вопрос лучше всего обратиться непосредственно к русской традиционной культуре. Надо просто вслушаться в родной язык, вглядеться в русское искусство. Может быть, красота древних образов и слов скажет нам что-то о самой Красоте…

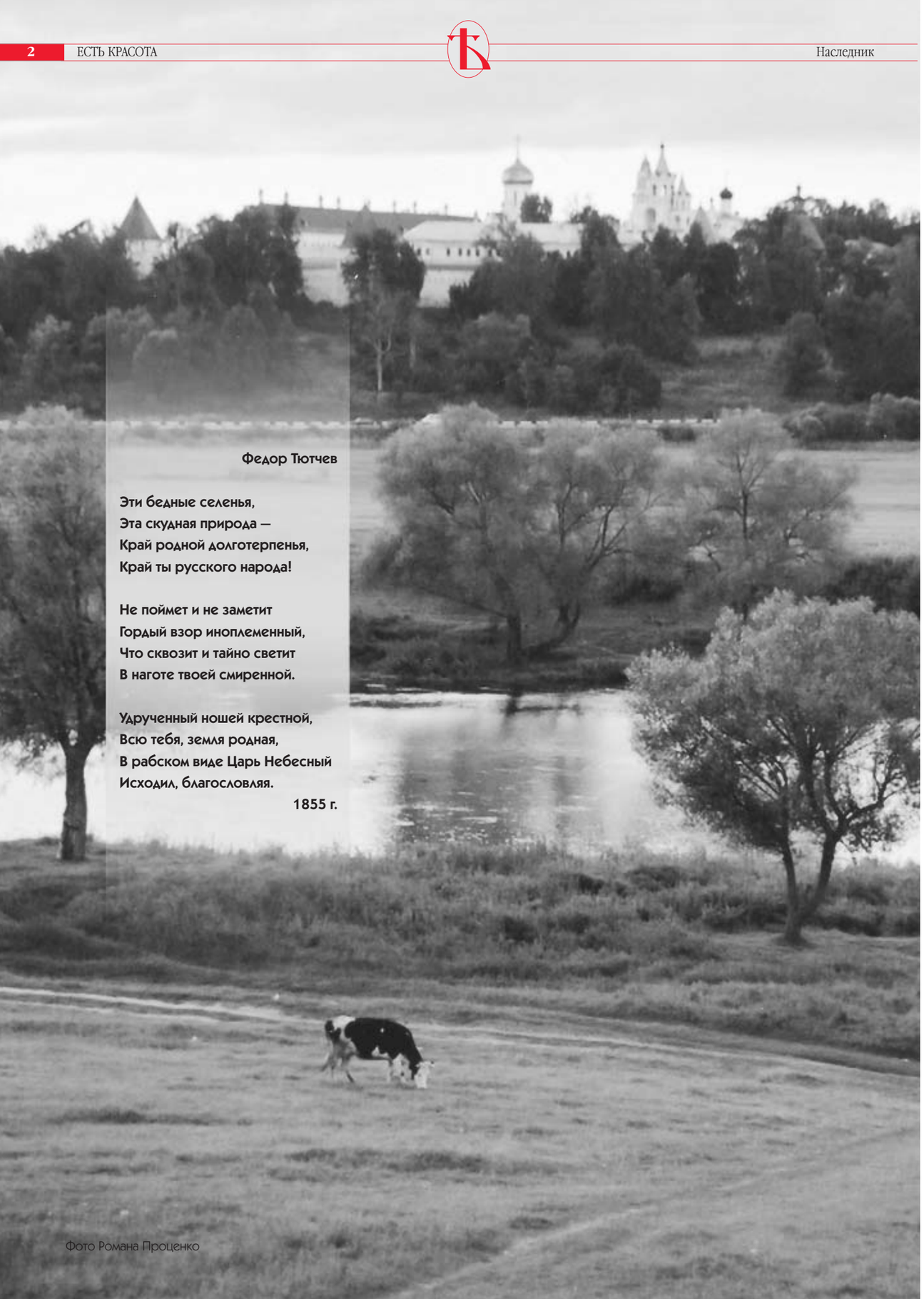
В старину бы сказали не «красивый», а «красный». И не случайно, конечно, главным символом красоты стал красный цвет. Цвет очень торжественный и активный. Цвет огненный — горящий. Если поискать красный цвет на иконах, то мы его увидим, например, в иконе «Спас в силах», где огненный ромб, окружающий Спасителя, символизирует пламя Божественных энергий, Божественный нетварный свет, созидающий этот мир. Огонь, энергия, мощь, сила — вот одни из самых важных изначальных смыслов красоты. Божественной красоты! Красота в наше время часто связывается с приятностью, с привлекательностью. Но между такой симпатичной красотой и огненной красой такое же различие, как между розовеньким херувимчиком и огненным херувимом, стоящим у престола Господня.

Итак, красота — это прежде всего созидающая творческая энергия. Но никак не нечто завлекающее и расслабляющее. Понятие красоты в наше время утратило свою мужественность и мощь. Утратило связь с Божественным первоисточником всякой красоты. И наоборот, приобрело черты женственные и эротические. Все перевернулось. Кстати, как и, например, слово «прелестный» — полностью поменяло свой смысл в наше время. Вместо ложного и плохого оно стало означать просто «симпатичный» — тоже фактически красивый. Сказать «прелестный» или «красивый» теперь значит почти одно и то же. А ведь исходный смысл этих слов прямо противоположен!

К сожалению, в XX веке красоту красного цвета революционно присвоили себе коммунисты. Политические стереотипы, как известно, часто лишают людей свободы говорить о самых простых вещах. С другой стороны, может быть, потому и победили красные так называемых белых, что последние были причастны Серебряному веку, где красота уж точно утратила всякую мужественность…

Вглядимся еще в икону Софии Премудрости Божией. В центре ее восседает огненный ангел, являющийся символическим изображением Иисуса Христа — Премудрости и Слова Божия. Огненный цвет лика ангела и говорит нам о том, что Премудрость Божия открывает нам Себя в Своих Божественных энергиях. Поэтому «красивый» означает еще и «премудро устроенный». Красота всегда софийна, то есть исполнена мудрости. Иными словами — истинный смысл красоты в том, что это одно из обозначений Богоявления! Мудрость красива, а красота исполнена мудрости. Как здесь опять не вспомнить сказочных героев!

Александр Зверев

Федор Тютчев

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

1855 г.

Фото Романа Проценко

Расскажу в Москве – не поверят

Неизвестная Родина
(Из записок русского путешественника)

Автор:
Артем Ермаков*

«Нужно проездиться по России, – писал некогда Николай Васильевич Гоголь. – Это особенно хорошо для того, кто побыл некоторое время от нее вдали и приехал с неотуманенной и свежей головою. Он увидит много того, чего не видит человек, находящийся в самом омуте, раздражительный и чувствительный к животрепещущим интересам минуты. Выбросьте из вашей головы все до одного ваши мненья о России, какие у вас ни есть, откажитесь от собственных ваших выводов, какие уже успели сделать, представьте себя ровно не знающим ничего и поезжайте, как в новую, дотоле вам неизвестную землю...»

В круге МКАДа

И вот я в который раз сижу в кресле, разглядывая карту. Зарайск, Венев, Юрьевец, Бежецк, Нерехта… Эти названия звучат как музыка.

Первое мая, как обычно, проходит в бесплодных попытках выбрать самый лучший маршрут и вытащить с собой кого-нибудь из знакомых. Все они добродушно отмахиваются:

— Знаешь, все так неожиданно. А где мы будем ночевать? Как «где-нибудь»?! Ну, давай в другой раз, ладно?..

После получасовых бесплодных бесед особенно забавляют вопросы:

— А ты что, правда, поедешь? Не зная даже, где заночуешь? И не страшно?

— Чего, ну скажите мне, чего и почему я должен бояться в собственной стране?! А вам не страшно ездить в метро? А переходить улицу? А выходить на эту самую столичную улицу заполночь из какого-нибудь «культового» заведения и, тихонько обходя подгулявших братков и дремлющих бомжей, ловить первую попавшуюся тачку, за рулем которой может оказаться маньяк?..

Бог с вами. Еду один. Завтра? А почему не сегодня? Последний поезд на Галич, судя по расписанию, отходит в 0:45. Успею. В этот раз поеду налегке. Карты, кружка, носки… Спальник? Да ну его. Как-нибудь обойдусь.

Электричка неожиданно останавливается в тоннеле за два перегона от вокзала. Выхожу из метро без десяти час. Возвращаться? Дудки. Что у нас там осталось сегодня?…

Юрьев день

Прокантовавшись на вокзале еще час, сажусь в общий вагон ночного поезда на Иваново. В этом промышленном гиганте, где местные власти вычистили исторический центр так, что не снилось никаким оккупантам, мне делать нечего. Толком не выспавшись, выхожу в половине шестого утра на станции Юрьев-Польский. Весь город разместился где-то на холмах в полутьме слева. По другую сторону железнодорожных путей – степь. Самая настоящая степь без единого дерева в поле и без единого облака на небе. Там, где они сходятся, уже пробивается бледно-розовый рассвет.

Чего, ну скажите мне, чего и почему я должен бояться в собственной стране?!

Юрьев-Польский (надо бы говорить «Польско́й»), расположен в северо-западном углу прежнего Владимирского ополья. Тысячу лет назад на месте Иванова, Нижнего Новгорода, Москвы, даже на месте Калуги стояла тайга. А здесь чудом сохранялся кусок Дикого Поля, южнорусской черноземной степи. Чернозема нет уже лет двести. Нет и вековых дубов, из которых Юрий Долгорукий в 1152 году сложил здесь первые стены. Но степной простор завораживает по-прежнему. Его можно увидеть даже из центра города, достаточно только подняться на оставшиеся от древней крепости земляные валы. В дальнем углу их розовеет на солнце приземистый Георгиевский собор, выстроенный в 30-х годах XIII века, — последнее чудо, вышедшее из рук мастеров домонгольской Руси, умевших резать белый камень, как масло. Фасад собора, как богато вышитый ковер, покрыт таинственными барельефами и фигурами. Здесь и князья, и святые, и цветы, и фантастические животные.

Снова забираюсь на вал, чтобы рассмотреть собор издали.

— Бог в помощь! – окликает меня мужик в резиновых сапогах, ведущий велосипед по тропинке внизу. – Из Москвы приехали?

— Из Москвы, — отвечаю я. – А вы откуда знаете?

— Кто ж еще в шесть утра будет по валам лазить? Ладно, спускайтесь, идемте чай пить.

Мы вместе подходим к воротам бывшего Архангельского монастыря, и мужик, оказавшийся мужем директора местного краеведческого музея и по совместительству его завхозом, ведет меня в подсобку, кладет кипятильник в наполненную до краев литровую стеклянную банку и достает из кармана мятую пачку с заваркой.

— Нынче мало кто рано сюда приезжает. Теперь все больше автобусами. А на валы их и калачом не заманишь. Сейчас чайку попьем, и я тебе все здесь бесплатно открою, пока жена не пришла.

— Да не нужно. Есть у меня деньги.

— Ты, парень, лучше спрячь их от греха подальше и давай сюда кружку. Деньги, они у

Артем Ермаков *
Кандидат исторических наук, русский консервативный романтик

с посетить красивые места

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

Берег древнего озера, где колокольни по-старинному парят над городом. Если бы Москва не стала столицей России, сегодня она могла бы выглядеть именно так. Тут незаметно сплетаются славянское, финно-угорское и варяжское прошлое Руси и ее научное и высокотехнологичное будущее. Купол собора, выстроенного Андреем Боголюбским, помнит и крещение Александра Невского, и поставление на игуменство Сергия Радонежского. Сегодня здесь почти не служат, но если вы с друзьями споете пару молитв, то стены отзовутся вам голосами Шаляпина, Петра I и Ивана Грозного.

Что посмотреть

Сердце города – Спасо-Преображенский собор (1157) в окружении восьмисотлетних крепостных валов, по которым можно прогуляться. Древние монастыри: Никитский, Троицкий, Данилов, Феодоровский, Никольский, Успенский Горицкий (в нем пока музей) и множество слободских храмов. Большое впечатление производит Плещеево озеро, если есть время, можно побывать как на северной (Никитский источник, древнее городище), так и на южной (ботик Петра I и Музей русского флота) его сторонах или прокатиться по нему на лодке, выпрошенной у кого-нибудь из местных.

Как добраться

138 км от Москвы по Ярославскому направлению на автомобиле или на автобусе (3-4 часа). В последнем случае лучше планировать ночевку. Большинство паломнических туров, к сожалению, не рассматривает Переславль как самостоятельный объект.

Подробнее:

http://www.botik.ru/

http://www.towns.sportmax.ru/index_pereslav.shtml

http://info.pereslavl.ru/turism/index.shtml

многих есть. Да кто из них ни свет ни заря пешком на стены притопает? А ты вот уважение к городу показал. Потому и встречают тебя здесь, как самого дорогого гостя!

Сквозь мглу

Я успеваю обойти Юрьев еще до полудня, а потом задумываюсь над картой. Любоваться ли мне теперь владимирскими видами и, соответственно, пытаться до вечера попасть через областной центр, к примеру, в Гороховец или все-таки прорываться на Галич, как было задумано? Еще раз гляжу на карту и решаюсь.

> Ехидный московский вопрос: «Где же ты будешь ночевать?» — встал во весь рост

К шести буду в Иванове, там еще пара часов до Кинешмы, паромом через Волгу, а дальше на карте показана железнодорожная ветка, выходящая прямо на Галич. Даже если поездов не будет, посплю на вокзале.

Решение оказалось весьма неосторожным. Коренные жители города, в котором некогда жили герои многих пьес Александра Островского, стали отговаривать меня от паромной переправы еще в поезде. По их сведениям, никаких поездов за Волгой никогда не бывало. Правда, и сами они никогда не бывали «на том берегу»: «А что нам там делать? Вот мост построят, тогда поедем». Ну что ж — нет вокзала, так есть автовокзал, и потом на карте же ясно показана ветка. Правда, когда, глядя уже с парома в кипящую темную воду, я понял, что этот рейс на Заволжск сегодня последний, на сердце стало тревожно.

Автостанция в Заволжске наглухо закрывалась в восемь часов вечера. Так что переночевать или даже просто узнать расписание на завтра человеку, подошедшему на стоянку автобусов в 23:00, было нельзя. Вокзала же в городе не имелось вовсе. Черно-белый пунктир на карте оказался полузаброшенной технической узкоколейкой. Ехидный московский вопрос «Где же ты будешь ночевать?» встал во весь рост. Все гостиницы также остались за Волгой. На дворе стояла глубокая ночь. До Галича было 150 километров. Но ведь есть же шоссе, по которому неизбежно должны ездить машины! Подумав так, я опрометчиво зашагал навстречу одному из самых больших приключений своей жизни.

> Я просто шел всю ночь из Ивановской области в Костромскую

Меня никто не бил и не грабил. На меня не напали волки. Я не встретил маньяка или вампира, нет. Я вообще никого не встретил. Я просто шел всю ночь из Ивановской области в Костромскую под моросящим дождем по незнакомой дороге, ведущей прямо на север. Поначалу мне еще попадались полуразвалившиеся деревни с освещенными колдовским мерцающим светом телевизоров окнами, а потом и вовсе пошел густой лес. Ветер выл, ели громадные порой также завывали со скрипом, большие газовые пузыри шипели и булькали в кюветах по обе стороны дороги, и никого, ничего вокруг больше. Когда еще увидишь Россию ночью?

Первая машина, ехавшая мне навстречу, показалась на дороге только к утру. Густой ельник сменился веселыми холмистыми полями и перелесками. И я, пройдя в общей сложности 42 километра, в восемь утра оказался в поселке Островское. На то, чтобы осматривать музей родившегося в этих местах художника Бориса Кустодиева, уже не было сил. Но когда две местные сердобольные девушки на «Жигулях» предложили бесплатно отвезти меня в Кострому: «Мы вас к самому вокзалу подкинем», — я мужественно отказался и вышел на полпути, в Судиславле. Автобус на Галич отходил через два часа, так что я еще успел выпить в закусочной четыре стакана чая и взобраться на крутой холм, увенчанный высоченной и толстой, как космическая ракета, колокольней. Службу в расположенной рядом и никогда не закрывавшейся церкви вел священник, поставленный здесь еще 50 лет назад, при Патриархе Алексии I. Он служил не торопясь, спокойно и величаво. Чтобы увидеть его, стоило ехать и не в такую глушь.

На краю света

Галич я проспал. Глаза сами собой открылись, когда автобус уже подъезжал к Чухломе. Посмотрев на карту, я решил ехать по этой дороге до самого конца, то есть до Солигалича, родины легендарного квартального Рыжова из лесковской повести «Однодум». Город, знаменитый ныне разве что своим леспромхозом, в XVI-XVII веках был богат настолько, что ходить походами на него не гнушались ни татары, ни поляки. Родина адмирала Невельского, место ссылки Веры Засулич — вот и все, что я успел прочесть о Солигаличе в книжке.

Между тем автобус уже замедлял ход, затейливо петляя узкими улочками мимо высоченных барочных соборов и маленьких домиков с аккуратными резными наличниками.

— Конечная остановка! — крикнул водитель. Я взглянул в окно и обомлел. С постамента посреди залитой грязью площади на меня в упор смотрел… Михаил Юрьевич Лермонтов.

Ленину или, на худой конец, Пушкину я бы не удивился, но Лермонтов… Как он сюда попал? Что он делает здесь, «на севере диком»? Может быть, я сплю?

— Кто это? – спросил я выходившую уже из автобуса тетку с огромными сумками. Та недовольно оглянулась:

— Земляк наш, не видишь, что ли?

Я шел мимо памятника, косясь на него украдкой. Чуть только отошедшие от ночного перехода ступни и колени ныли все сильнее. Лишь бы в гостинице было тепло. Да, кстати, где мне ее искать? На пустой улице снова сгущался вечер. Одинокий человек, копавший какую-то яму перед одним из домов, долго не мог понять, что мне нужно. Когда же я коротко пересказал ему свою эпопею, он прислонил лопату к забору и широко распахнул калитку:

— Заходи!

— Неловко как-то. Еще жена твоя рассердится.

— Не рассердится. Шестой год пошел, как умерла. Один я с ребятами. Заходи, быстрей. Сейчас мы тебе и воды согреем.

Не чувствуя под собой ног, я вошел в избу, почти неотличимую внутри от небогатой панельной квартиры. Ботинки остались у порога, куртка на вешалке.

— Располагайся, — хозяин указал мне на небольшую софу в гостиной и вышел. Я машинально присел, потом прилег. На кухне что-то звякнуло. «Расскажу в Москве — не поверят», — подумал я и провалился в сладкий шестнадцатичасовой сон.

Но странною любовью…

Утром следующего дня я беседовал с хозяином, а потом гулял по берегам реки Костромы вокруг пустых, с обглоданными куполами и выбитыми окнами солигаличских церквей. А вечером ноги уже привели меня к воротам Авраамиева Городецкого монастыря. На Чухломском озере еще не сошел лед, но мальчишки уже били с мостков острогой налимов и щук. Монахи подметали дорожку к родовой усыпальнице Лермонтовых и сажали вокруг нее яблони. На вечерней службе в четырехсотлетнем храме кроме меня стояло только три человека. К ужину в трапезной собралось не больше десятка. За ночлег с меня и тут ничего не взяли.

> С постамента посреди залитой грязью площади на меня в упор смотрел... Михаил Юрьевич Лермонтов

Впереди были еще и Чухлома, и Галич, и вся моя необъятная, незнакомая, беспредельно милая сердцу страна. Страна, в которой стоит родиться только ради того, чтобы лучше знать и больше любить ее.

с посетить красивые места

КОЛОМЕНСКОЕ

Сюда зимой и летом приезжают те, кому надо срочно «отойти от Москвы». Коломенское — не просто один из городских парков, это возможность понять и полюбить Москву в ее древней подлинности. Отдышавшись от суеты и присев где-нибудь под яблоней, здесь вполне можно несколько часов без всякого смущения проговорить на вечные темы. Впрочем, здесь так же хорошо и молчать, обстановка располагает.

Что посмотреть

Старейшую на Руси каменную шатровую церковь Вознесения Господня (1532) и храм Усекновения главы Иоанна Предтечи (1547, «старший брат» храма Покрова на рву). В парадной части парка также остались постройки из комплекса дворца царя Алексея Михайловича, рядом тянутся громадные заброшенные фруктовые сады, а с обрыва открывается один из лучших видов на древнюю незастроенную пойму Москвы-реки. В выходные дни лучше гулять в «дикой» части.

Как добраться

Москва. 5-10 минут пешком от станции метро «Коломенская» (парадная часть) и «Каширская» (дикая часть). Возьмите с собой лучшего друга!

Подробнее:

http://www.museum.ru/kolomen/

http://moscow.photobase.ru/kolom.htm

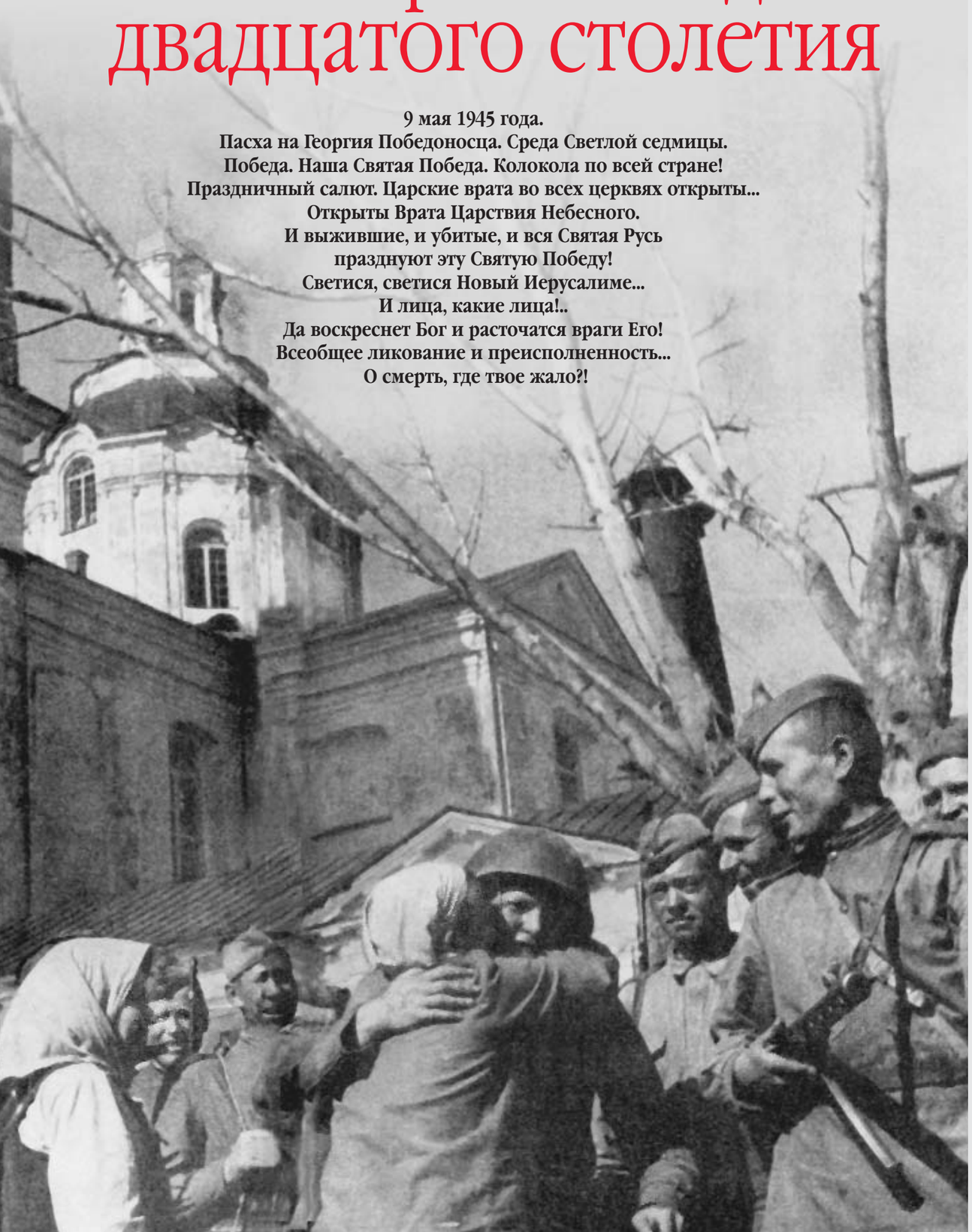
http://moscow.gramota.ru/map106.shtml

Иван Лопатин

Самый красивый день двадцатого столетия

9 мая 1945 года.
Пасха на Георгия Победоносца. Среда Светлой седмицы.
Победа. Наша Святая Победа. Колокола по всей стране!
Праздничный салют. Царские врата во всех церквях открыты...
Открыты Врата Царствия Небесного.
И выжившие, и убитые, и вся Святая Русь
празднуют эту Святую Победу!
Светится, светится Новый Иерусалиме...
И лица, какие лица!..
Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!
Всеобщее ликование и преисполненность...
О смерть, где твое жало?!

Не снимайте георгиевскую ленточку

...Она валялась на тротуаре, потерянная или выброшенная кем-то, кто привык не слишком задумываться о жизни.

Поздним вечером 4 мая такая находка выглядела подарком судьбы. Как активный Интернет-пользователь я уже два дня знал о том, что несколько московских компаний проводят акцию, посвященную 60-летию Победы, а как простой столичный обыватель столкнулся с тем, что ни я, ни мои родственники и знакомые не в состоянии достать этот черно-оранжевый кусочек ткани ни за какие деньги. Я уже планировал раскрасить какую-нибудь белую тряпочку акварелью, и вот…

Следующие пять дней я (а вернее, лацкан моей куртки) был в центре внимания окружающих. «Что это значит? Где вы ее достали? А сколько она стоит?» – наперебой спрашивали они. Ленточек вокруг становилось все больше и больше. О Победе также напоминали многочисленные плакаты, листовки, афиши. Казалось, вся страна, начиная с Президента и заканчивая водителем троллейбуса, повторяла: «Подвиг героев бессмертен! Никто не забыт и ничто не забыто!»

Потом было 9 мая. Парад. Концерт. Минута молчания. Салют. И праздничные гулянья с подведением итогов акции на Поклонной горе.

Несколько следовавших за праздником московских вечеров стали настоящим испытанием для глаз. На деревьях, на газонах, под ногами прохожих и под колесами автомашин то тут, то там мелькали пыльные полуразорванные черно-оранжевые полоски ткани. Праздник закончился, и они больше никому не были нужны. Плакаты с лицами ветеранов и фотографиями орденов выцветали и сползали со стен еще целый месяц. Газеты и телеканалы, вчера только соревновавшиеся в патриотизме, переключились на другие, более выгодные и сенсационные темы.

В первой половине мая, буквально сразу после юбилея, гостями которого в Москве стали делегации 60 стран мира, депутаты латвийского сейма приняли решение о взыскании с России 100 000 000 000 долларов за «оккупацию» Прибалтики, а представители польского Института национальной памяти готовы были официально обвинить СССР и его правопреемника… в нападении на Польшу 17 сентября 1939 года. В России им почти никто не ответил. Полный текст принятого 27 мая заявления Государственной Думы «О попытках фальсификации истории» напечатала только одна газета. «Парламентская».

– Что же мы могли сделать? – спросит меня читатель. – Мы ведь даже не знали ни об этой отвратительной клевете, ни о том, что на нее дан ответ. Сейчас ведь вообще принято уничтожать и оскорблять память о подвигах предков. Видно, в такой уж стране в такое уж время мы живем…

Видно, такие уж мы люди, что позволяем все это! Наши предки-герои, они тоже не в золотом веке жили. Но даже когда границы Родины вместе с линией фронта на годы отодвигались к востоку, у них хватало веры и мужества сражаться с врагом. Очень многие из них знали, что они не доживут до Победы, что имена их останутся неизвестны потомкам. Многие, по несчастливому стечению обстоятельств, даже о Боге-то толком не успели узнать. У них и на спасение души, и на райское блаженство не могло быть никакой надежды. Но они бились! И именно поэтому, а не с легкой руки сталинской пропаганды их Победа, их подвиг обрели бессмертие.

Но их служба, их срок на Земле в основном закончился. Что же мы сегодня можем сделать для Великой Победы? В первую очередь, помнить о ней. Не давать забыть, исказить, облгать то, что враг до конца времен неминуемо будет подвергать пересмотру. У памяти, как и у святости, нет срока давности. И потому наша задача – пытаться каждый день беречь эту память и, если понадобится, биться за нее до конца.

Что же мы сегодня можем сделать для Великой Победы?

Не снимайте георгиевскую ленточку!

Иван Лопатин

Похищенная красота, или Необыкновенные приключения красоты в современном мире

Автор:
Василий ПИЧУГИН*

– Ведь красота спасет мир!
– А зачем его спасать и от кого, и как она собирается это сделать?
– И, кстати, а что такое красота?
(Из разговора)

Пролог

Если спросить любого человека о его отношении к красоте, то можно не сомневаться, что ответ будет положительный: «Красота – это хорошо». Кто-нибудь обязательно вспомнит постоянно встречающееся высказывание «Красота спасет мир», и обязательно найдется человек, который сообщит нам, что эту фразу сам Достоевский сказал.

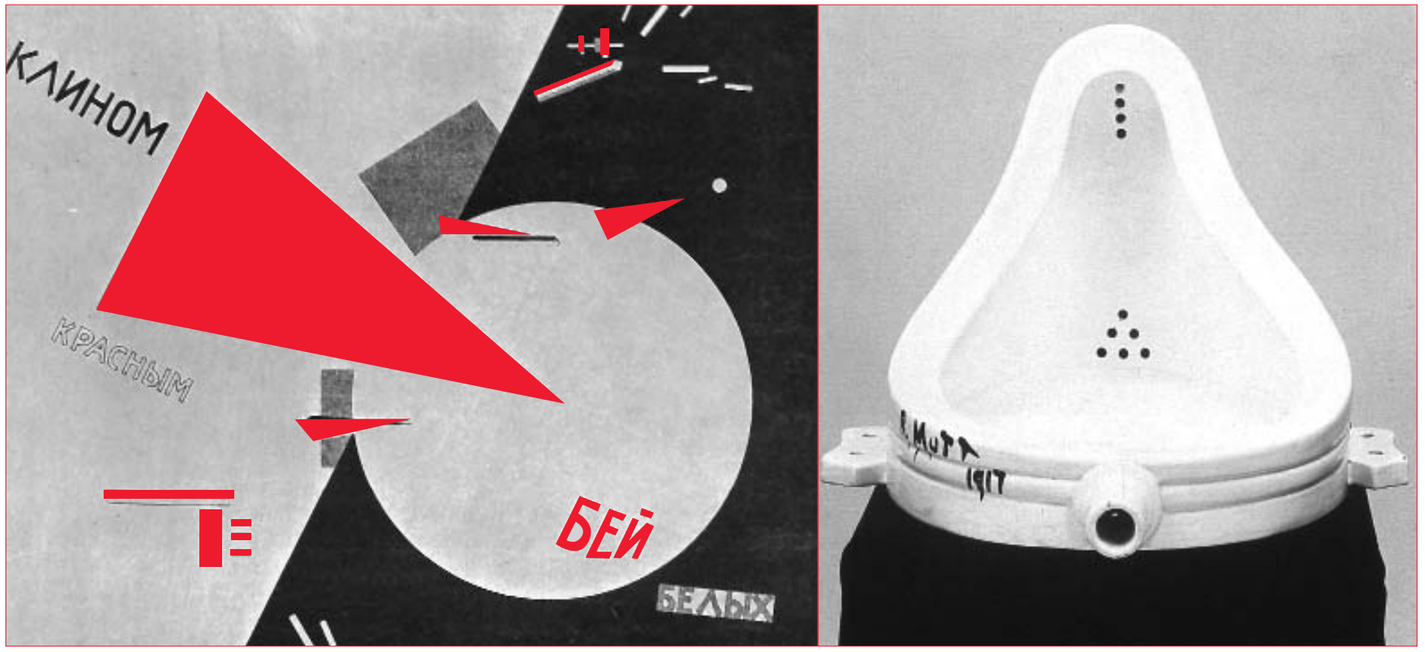
Вопрос можно усложнить. Его можно сформулировать следующим образом: «Красив ли современный мир?», «Красива ли современная культура?» и вообще «Что такое красота?» и «Каким образом красота собирается спасать современный мир?»

И здесь нас ожидают ответы самые разные. Чаще всего люди согласны, что красота – это некое совершенство, причем это совершенство имеет конкретные формы воплощения, и что красота отличается и от теоретической истины, с одной стороны, и от нравственности – с другой. Красота конкретной чашки – это не технология ее производства и не сумма добродетелей человека, который ее сделал. И в то же время красота красивой чашки каким-то образом связана и с технологией ее изготовления, и с ее автором.

Но абстрактные вопросы о красоте не привлекают наших современников. Все познается в сравнении – этому постулату следуют многие. И люди, к которым мы приставали с нашими вопросами о красоте современного мира и его культуре, достаточно четко делились на три группы. Две группы людей связывают своё представление о красоте социального устройства жизни либо с Советским Союзом, либо с Западом. Первые говорят о советском обществе с симпатией, утверждают, что в нем было больше нравственности, больше оптимизма. Поэтому, с их точки зрения, нынешнее общество и нынешняя культура в сравнении с советским обществом и культурой безобразны, принципиально некрасивы.

Люди, представляющие вторую группу, занимают прямо противоположную позицию. Советский Союз они называют не иначе как «совок». Советская культура для них – это образец уродства, некое царство уродливых вещей: машин, одежды и т. д., современная же западная культура с ее культом индивидуализма (в противовес советскому «тоталитаризму») является, по их мнению, достойным объектом для подражания. «Посмотрите, сколько появилось вокруг красивых вещей», – часто восклицают представители этой группы, чтобы подтвердить правоту собственной позиции.

Граждане, составляющие третью группу, в основном вспоминают красоту православной России, «которую мы потеряли». Но эта группа неоднородна. Она делится на две условные подгруппы с многочисленными вариациями. Первая подгруппа в православной России принимает «достижения» капиталистической цивилизации, поэтому она более-менее терпимо относится к «красоте» современного общества, вторая же эти «достижения» яростно отрицает, как следствие – полное неприятие современного общества, обличение его уродства.

Василий Пичугин *

Кандидат исторических наук, гражданин Третьего Рима в третьем тысячелетии.

Немного истории

В далеком 1919 году в Париже на выставке художников-дадаистов художник Дюшан представил свое произведение под названием «Фонтан». В реальном виде «Фонтан» представлял из себя обыкновенный писсуар. Подобное «произведение искусства» вызвало небывалый скандал в общественном мнении того времени. «Фонтан» оказался гораздо «круче» «Черного квадрата» Казимира Малевича.

Рассерженные «обыватели» называли подобные «художественные» произведения надругательством над искусством, над красотой. Но это были еще цветочки. В середине XX века авангардное искусство успешно закатывало экскременты в консервные банки и вставляло их в «художественные» рамы, весь мир обывателя: от грязных носков до грязных сковородок – оказывался пространством «искусства»… Для подобной метаморфозы необходимо было произвести совсем небольшое действие – поставить рамку-знак, выделяющий предмет из окружающей действительности, и – о, «чудо» – твой вонючий носок превращался в произведение искусства: «Носок Вани Пупкина после напряженной работы».

Именно с помощью этого способа «художники» выставки «Осторожно, религия» пытались обезопасить себя от ответственности, выдавая свои кощунства над христианством и над Православием в частности за произведения искусства. «Я издеваюсь над тобой, но ты меня не тронь, потому что мое издевательство – это произведение искусства» – вот «нехитрая» логика устроителей сей выставки и ее защитников.

Подобные выставки стали возможны благодаря тому, что в искусстве XX века произошла глобальная «демократическая» революция. Недавние заявления американского президента Буша о необходимости глобальной демократической революции лишний раз доказывают его непосвященность — революция началась давно и принесла уже «отличные» плоды.

Так каковы же результаты этой революции и в чем ее суть? Искусство во все времена было предельно иерархичным занятием… Красота земная и красота небесная всегда различались, и первая была лишь определенной степенью отражения второй. По степени воплощенности небесной красоты в земных предметах и судили собственно о красоте конкретных вещей и о художественном таланте их творцов. При этом люди помнили как главного Творца – Бога, так и то, что они сами являются Его образом и подобием, пусть и поврежденным в результате грехопадения.

Главная задача «демократической» революции в искусстве – разрушить иерархию красоты, заставить художника поверить, во-первых, не просто в то, что Бога нет, а в то, что Он умер (знаменитый тезис Фридриха Ницше), а во-вторых, в то, что человек – это не образ и подобие Божие, а непонятно, что такое. Федор Михайлович Достоевский в ответ на притязания европейского нигилизма отчеканил: «Если Бога нет, то все позволено». Эти пророческие слова Достоевского можно сформулировать и по-другому: если нет Первообраза, то с образом и подобием – человеком – можно делать что угодно. История XX века предоставила нам громадное количество доказательств подобных деяний.

> Легче всего насилие совершить с помощью искусства

Красота может спасти мир, но «красота» может его и уничтожить (а красивость его уничтожит). Как же это происходило и происходит?

Творцы эпохи Возрождения первыми внутри христианской цивилизации нарушили соотношение между человеком (образом и подобием) и Богом (Первообразом). Искусство отказалось быть идеологически подчиненным богословию, оно стало претендовать на автономию. Вскоре за искусством по тому же пути последовали физика, философия, история. Практически всех их сразу за отделением ждал серьезный успех. И целые эпохи ждали от них новых откровений. Но проходили годы, и от былой эйфории не оставалось и следа. Оказывалось, например, что с помощью науки гораздо легче не построить рай на земле, а уничтожить жизнь на ней (например, посредством атомной бомбы). А искусство, шаг за шагом продвигаясь в пространстве собственной независимости, окончательно потеряло возможность провести собственную границу – где оно, собственно, начинается и заканчивается. «Фонтан» Дюшана и работы авангардных художников XX века являются лучшим тому свидетельством.

Успехи искусства эпохи Возрождения, на взгляд современной культуры, бесспорны. Но эти результаты, с точки зрения культуры, сердцевиной которой является религия, оказались плачевны. Когда в качестве модели для написания иконы Богородицы берется простая женщина, иногда просто «возлюбленная» художника, расценить подобный выбор иначе как кощунство невозможно. На подобные «иконы» Возрождения последовал страшный ответ Реформации. Реформация заявила свое предельное иконоборчество: «Бог неизобразим». Христианство Западной цивилизации возвратилось к иконоборческой позиции иудаизма и ислама.

Крепость была взята

В одной из современных книг автор умиляется тем, что в XVI веке в каждом голландском доме было по нескольку картин, в основном – пейзажи и натюрморты. Смысл этого умиления ясен: вот мы какие убогие в XXI – у нас только люди с самым тонким вкусом подобным образом украшают свое жилье. Автору и невдомек, что у каждого русского крестьянина в XVII веке в доме было несколько икон, а бедные голландцы-кальвинисты подобной роскоши уже были лишены, им остался только натюрморт – мертвая природа. Иконы, этого «окна в иной мир», у бедных голландцев уже не было, возможность богообщения предельно сократилась. Ведь богообщение – это единственная возможность человека понять, кто он такой и какой путь нужно пройти, чтобы быть самим собой. Поэтому не случайно, что именно Голландия, державшая пальму первенства в годы Реформации по количеству уничтоженных икон, является ныне самой «просвещенной» страной бывшей западнохристианской цивилизации в области наркотиков и прав сексуальных меньшинств, и только действительно избранные Богом в этой стране – православные христиане – могут лицезреть в своих храмах православные иконы.

Если отрицается икона, то, как уже было сказано, предельно сокращается возможность богообщения. В западнохристианской цивилизации иконоборчество оказалось важ-

нейшим шагом в самозамыкании, секуляризации человеческой культуры, в подготовке «демократической» революции в искусстве.

После победы иконоборчества эпоха Просвещения достаточно быстро разрушила традиционную культуру значительного количества людей. Но, разрушив традиционную культуру, Просвещение разрушило и Божественный авторитет власти и было вынуждено создавать собственную систему управления – демократию. При этом строительстве было сделано много «открытий».

Открытие первое: если человек не принимает систему власти, то его можно заставить сделать обратное. Для этого вовсе необязательно подвергать его физическому насилию, достаточно подвергнуть насилию его сознание. При этом желательно все сделать так, чтобы человек совершенного над ним насилия не замечал.

Открытие второе: легче всего подобное насилие можно совершить с помощью искусства. Подавляющее большинство людей мыслит образами, искусство же постоянно ими оперирует. После открытия Фрейдом подсознания стало очевидным и техническое задание обезбоженной красоты – прорваться, минуя человеческий разум, в подсознание человека и там работать с его смутными желаниями.

XX век – это штурм человеческого сознания. Крепость была взята с помощью подкопа под ее стены. И этим подкопом оказалась красота – один из главных даров Бога человеку. Красивые вещи человек воспринимает чаще всего непосредственно, без рассуждений, – последние появляются позже.

Им все позволено

Мы уже говорили, что искусство во все времена было иерархичным. Одновременно существовала традиционная народная культура, которую основная масса населения не только использовала, но и создавала, и высокая культура, которую способны были создать и оценить немногие – прежде всего представители высших сословий. «Демократическая» революция всячески способствовала уничтожению традиционной культуры и созданию массовой культуры, с одной стороны, и новых, предельно отличных от христианских канонов норм высокой культуры, с другой.

В чем основное различие между традиционной культурой и массовой? Если в массовой народ только потребляет «красоту», созданную на тысячах фабрик, то в традиционной он еще и непосредственно причастен к ее созданию. Для этого достаточно сравнить народную песню, классический пример народного творчества, и попсовый хит, выпущенный на «фабрике звезд» города Н.: к мелодии, созданной на синтезаторе композитором Икс, крепко прикручен какой-нибудь исполнитель Игрек с соответствующим набором слов поэта-песенника Зет и соответствующей программой для привлечения потенциальных потребителей продюсера Эпсилон.

В результате «демократической» революции в искусстве народ оказывается лишенным не просто красоты, а соучастия в Божественном процессе, в котором с наибольшей силой раскрывается то, что человек – это образ и подобие Божие. Человек отчуждается от Красоты, то есть от Бога, он становится потребителем отчужденной «красоты», вернее, отчужденная красота начинает потреблять человека.

Можно задать вопрос: но чем так уж плоха пресловутая «отчужденная» красота, производимая на фабриках массовой культуры? Может быть, она и похуже неотчужденной, но все же – тоже красота?

На самом деле отчужденная красота к Красоте не имеет никакого отношения. Недаром Красота в христианской культуре – это одно из имен Бога. Поэтому проблема красоты для человека – это не только ответ на вопросы «что такое красота?», «что такое истина?», но и ответ на вопрос, как конкретный человек к ней относится – приближается ли или удаляется от нее. Красота – это путь, и путь всегда только наверх. Красота – это преодоление и преображение самого себя и окружающего мира.

Инженеры «отчужденной» красоты, «творцы» «демократической» революции в своей работе присваивают то, что им не принадлежит. Они просто лжецы и воры. Таланты, данные им Свыше, беззастенчиво ими присваиваются и направляются на порабощение других людей. В их головах новый канон красоты — черный квадрат (предтеча современного телевидения и высокой моды), великий иконоборческий, а значит, и богоборческий манифест XX века. Вместо образа и подобия, вместо Первообраза – черный квадрат. «Бог умер» – и, значит, им все позволено. Позволено изменять направление жизненного пути людей – не вверх, к Красоте-Богу, а вниз – в плен и хаос собственных страстей. Позволено соединять несоединимые вещи, и в их руках «баунти» — это райское наслаждение, а какой-нибудь «фольксваген-пассат», оказавшийся в «райском» пейзаже, обещает своим потенциальным покупателям возможность «въехать в рай» на подобной машине.

> Красота – один из главных даров Бога человеку

Все высокое служит им для того, чтобы хорошо продавалось низкое. А низкое хорошо продается только тогда, когда на нем лежит отсвет высокого. И миллиарды вещей общества потребления настойчиво лезут в наши с вами глаза при помощи «их» рекламы с отчаянными призывами «Купи меня!» и недвусмысленными обещаниями приобщения к некоему новому миру «идеальных» вещей.

«Бог умер» для инженеров «отчужденной» красоты, манипуляторов красивостью и потребителей их продукции, но это отнюдь не означает их безрелигиозности. Их религиозность просто принимает другие, более примитивные, формы. Потребители представляют собой армию фетишистов (фетишизм – одна из форм примитивной религии, представляющая собой поклонение определенной вещи, наделяемой всевозможными священными свойствами) всех мастей и направлений. Фетишем может стать что угодно – автомобиль, футбол, женская обувь, пиво, косметика… Список бесконечен.

Манипуляторы же красивостью (похищенной красотой) постепенно становятся почитателями более «почтенного» культа – культа золотого тельца, главного религиозного нерва общества потребления – капитализма, главного антагониста как Ветхозаветной Церкви, так и Новозаветной. В словосочетании «золотой телец» современному сознанию непонятно второе слово.

На Древнем Востоке телец – это символ половой силы, поэтому культ золотого тельца кроме обожествления денег предполагает и обожествление пола, что влечет за собой обожествление всех половых извращений. Неслучайно, что в современном либеральном обществе нам активно навязывают типы красоты сексуальных меньшинств, попросту половых извращенцев. Ни для кого не секрет, что среди манипуляторов красивостью встретить нормального в половом отношении человека часто очень трудно и целые сферы искусства доступны людям только с «определенной» половой ориентацией.

Культ золотого тельца предполагал и предполагает свое распространение половым путем. В древности в Финикии женщины всех сословий раз в год в течение трех дней приходили к храму богини плодородия и любви Астарты и бесплатно отдавались иностранцам. Именно таким образом иноземцы вступали в церковь золотого тельца. Поэтому неудивительно, что самую страшную метаморфозу в современном обществе потребления претерпел один из прекраснейших даров Бога человеку – женская красота.

С помощью обнаженного женского тела манипуляторы красивостью готовы взять любую крепость человеческого сознания, продать любой товар. С их точки зрения, «райское состояние» неразрывно связано с половым актом. Поэтому в мире капитализма продажа даже, на первый взгляд, самых безобидных вещей обещает потенциальным покупателям «райские наслаждения» от золотого тельца, поэтому в этом мире должно соблазнять все.

Какой тип женщины во все времена добивался наибольших успехов в этом тонком деле? Конечно, ведьма, и «красота от ведьмы» победно шествует по просторам бывших христианских цивилизаций. Если раньше отношение в массовом сознании к ведьме было однозначно отрицательное, то теперь ситуация серьезно изменилась. Достаточно вспомнить «милого» Гарри Поттера, где его «плохая» тетя сообщила, как радовались ее родители, что их «хорошая» младшая дочь, родная сестра «плохой» тети, стала настоящей ведьмой, или

современный мейнстрим высокой моды с его открытой пропагандой ведьмачества – серыми тенями для глаз и черным лаком для ногтей. Средства массовой информации работают в три смены, одновременно воспевая тип красоты «соблазнись сам – соблазни другого» (один из последних перлов – вино Московского межреспубликанского завода «Исповедь грешницы») и уничтожая альтернативные типы красоты – например тип целомудренной красоты, единственный предполагающий здоровую семью, а значит, будущее любого народа.

Мир постепенно превращается в большой «глобальный» публичный дом, где каждому настойчиво предлагается принять участие в этом «увлекательном» приключении. Выбор предложений чрезвычайно велик: можешь стать простой вокзальной проституткой или бандершей российского сообщества поп-культуры, высокооплачиваемой валютной проституткой или победителем конкурса красоты — еще более высокооплачиваемой проституткой с возможностью непосредственно участвовать в мистериях культа золотого тельца (смотри фильм Стэнли Кубрика «Широко закрытые глаза»), простым менеджером с правом свободно покупать порнографические журналы в любом газетном киоске или высокооплачиваемым топ-менеджером по продвижению продукции золотого тельца…

Так какой же выход для нас, для России из этого необыкновенного приключения? Вспомним классику, великого Козьму Пруткова: «Зри в корень». Сначала необходимо увидеть ключ проблемы, а затем сделать волевой выбор. Выбор у нас небольшой: либо Россия превращается в часть глобального публичного дома, отнюдь не парадную, либо мы возвращаемся к собственному пониманию Красоты, прекрасно выраженному в главной идее нашего народа – идее Святой Руси. Причем современная Святая Русь – это не убогая стилизация Древней Руси, а напряженный путь вверх, преодолевающий все вызовы современного западного мира. И если Бог с нами, то кто против нас? Тем более, что побеждать мы умеем!

(60-летию Победы посвящается)

Фото Артема Ермакова

Красота и безобразное

Автор:
Федор ГИРЕНОК*,
философ

Есть тот мир и этот. Небесный и земной. Все, что ведет человека на небо, называется красотой. Если бы не было красоты, то было бы человеку скучно и одиноко. И он заблудился бы среди земных проблем. Потерял бы веру. Потому-то красота и спасает мир.

Как узнать, что красиво, а что безобразно? Очень просто. Красота – как воздух, которым мы дышим. Если он есть, мы его не замечаем. А если его нет, мы задыхаемся. Нам трудно дышать. Поэтому красота узнается по дыханию. Или, что то же самое, «калокагатийно» (от греческого «kalos kai agathos», что значит «красивый и добрый», то есть хороший во всех отношениях. – *Ред.*), в связи с добром. Вот если тебе все нравится, ты всем доволен, ты не чувствуешь несправедливости, неправды мира – значит, у тебя проблемы с красотой. Значит, ты притерпелся, смирился с безобразием. А если тебе не все равно, если ты переживаешь эту неправду мира, то у тебя есть и чувство красоты. У тебя эстетический взгляд на мир. И ты с этим своим взглядом ничего не можешь поделать. Он в тебе, но не зависит от тебя. Ты не властен над ним.

Но здесь существует еще одна опасность. Между физической и духовной красотой можно пробить брешь, отделить одну от другой. Как только это случится, возникнет проблема вкуса. Появятся дизайнеры и визажисты. Вкус – это власть дизайна над сознанием. Это не чувство прекрасного, а способность держать нос по ветру, то есть идти по следам моды. Того, что случайно.

Между красивым и безобразным нет никакого равенства. Красота царствует. Она держит безобразное, как буйное животное, на привязи под присмотром. Но вот приходят революционеры и говорят, что неравенство – это плохо, что это угнетение, что безобразное страдает, как минотавр в подземелье, и его надо освободить. Превосходство красивого над безобразным ломали весь XX век. В итоге безобразное освободилось. Теперь оно – само по себе. И красивое – само по себе.

Красота теперь противостоит не безобразию, а тому, что красивее красивого. А безобразное, в свою очередь, узнает о том, что оно не так уж безобразно, глядя на что-то совсем уж отвратительное. В первом случае красоту заменяет мода. Во втором – безобразие играет в прятки с реальностью, убегая от самого себя.

Формальное эстетическое равенство красивого и безобразного делает тебя вялым и равнодушным. Тебе ни на что не хочется смотреть. Твой взгляд, как бы пресытившись, ни на чем не задерживается. Чтобы поймать твой взгляд, чтобы заставить тебя глядеть на себя, мир тебя оглушает. Он показывает тебе непристойность за непристойностью. Вот поэтому и нельзя позволять безобразному гулять самому по себе. Его надо снова посадить на цепь, на привязь. Загнать туда, где справедливость – это когда равным причитается равное, а неравным – неравное.

Гиренок Федор Иванович
Доктор философских наук, профессор. Заместитель заведующего кафедрой философской антропологии МГУ.
Родился на Алтае в 1948 году. В 1976 году окончил философский факультет МГУ. Автор книг: «Экология. Цивилизация. Ноосфера» (1987), «Ускользающее бытие» (1994), «Метафизика пата» (1996), «Патология русского ума» (1998).

Николай Заболоцкий

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка:
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны. Рот длинен, зубки кривы.
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее.
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Поймет, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, –
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

Я снова приду к тебе

Есть время и Время

Здравствуй.

Сегодня выдался редкий день, когда я не видел тебя во сне. Но все, что я видел, имеет к нам прямое отношение. Я снова видел свое горное озеро. Это трудно объяснить, но в мире есть только одно место, которое я по-настоящему люблю. Я, кажется, говорил тебе, что родился на Камчатке и был увезен оттуда в три месяца. Четырнадцать лет я мечтал посмотреть на свою историческую родину и все это время думал, что хотя там, наверное, будет очень красиво, но мне, видевшему уже столько краев, вряд ли западет что-то в душу. И, действительно, вся моя первая камчатская экспедиция прошла очень спокойно. Мне нравится в горах, хотя все-таки я больше люблю лес, и особенно люблю реки. Но горы, по которым мы карабкались, леса, через которые мы ломились, реки, по которым сплавлялись, не вызывали особого восторга. Так пробежал целый месяц, и уже пора было возвращаться домой.

Перед тем как начать великий спуск по большой реке к местам обитания людей, наша маленькая экспедиция устроила последнюю серьезную стоянку в ее верховьях, там, где реку еще можно было с трудом перейти вброд. Недалеко от другой маленькой речки, впадавшей в большую, мы вчетвером коротали последние дни августа. Осень на Камчатку приходит рано, и по ночам я просыпался от беспрестанного шороха опадающих березовых листьев. Они медленно спускались по воздуху и, попадая в воду, как маленькие кораблики, плыли по течению туда, куда вскоре должны были уплыть наши оранжевые лодки. Но мешок с лодками пробил когтями медведь, и пока к ним присыхали свежие заплатки, у отца появилась мысль сходить вверх по речке, посмотреть какой-то молодой конус. По карте это выглядело совсем недалеко (километров семь), но вышли мы поздно, и дорога была неразведанной: даже звериной тропы не могли найти, не то что охотничьей. И пока мы лезли сквозь сырые речные заросли выше человеческого роста, сквозь которые не было видно даже неба, я раз десять крепко закаялся...

Но неожиданно это болото кончилось. Мы стояли перед сплошной каменной стеной высотой метров восемь, прямо из которой били струи воды. Речка начиналась здесь, хотя по карте было еще километра три. Отец поглядел на аэрофотоснимок и сказал, что картографы, видимо, ошиблись. Сверху ясно видно, что старое русло запрудило последним извержением, поэтому река теперь течет под землей, а в самых верховьях, похоже, образовалось озеро. Мою усталость будто рукой сняло. Озеро... В этом слове звучала тайна.

> Иногда мне кажется, что я посетил одно из последних мест на Земле, где можно ощутить древнее присутствие Бога

Мы полезли вверх по крутому склону, заросшему травой. Трава становилась все короче, а из-за горизонта надвигалась страшная, абсолютно черная гора. Это и был молодой конус. Отец говорил, что извержение произошло здесь лет двести назад, но мне показалось, что все кончилось прямо перед нашим приходом. Через полчаса кругом не было ничего живого, только шлак. Мы брели по красной каменной пустыне, где даже пятна мха радовали глаз, а справа громадная мертвая пирамида заслоняла собой свет. Так прошел еще час. Заходившее яркое солнце внезапно ударило по глазам. Подъем резко оборвался, черные стены разошлись в стороны, и мы оказались на самом краю высокой каменной чаши. Холодные снежные скалы напротив поднимались сначала полого, потом почти отвесно, отрезая небо острой неровной чертой. На склонах их не росло ни единого дерева, у подножия расстилался пожелтевший, изрытый сусличьими норами луг, и все вокруг было залито каким-то странным мерцающим светом. На самом дне маленькой долины туманным переливающимся зеркалом лежало *оно*.

Оно было так похоже на сказку, на сон... не знаю на что, потому что было трудно даже дышать, не то что сравнивать. Это была не красота, это была Истина. Та, за которую не жалко отдать всю свою жизнь, потому что она больше жизни. Все спустились вниз и, весело переговариваясь, направились к озеру за водой для чая. Отец сокрушался, что будет трудно найти дрова для костра. А я все стоял, боясь подойти ближе, боясь сказать самое короткое слово, ведь Истина так часто исчезает от пустых слов. Но потом сорвался с места и побежал, нет, помчался, обгоняя остальных. Я должен был первым подойти к самому берегу. Вблизи оно стало еще прекрасней. Где-то там, над скалами, из последних сил пытаясь осветить небосвод, закатывалось осеннее солнце. А здесь, рядом со мной, лежало целое море или, скорее, облако. Облако тихого света. Я протянул к нему руку. Обычно вода в горах очень холодная и невкусная — свежий талый снег. Но я совсем не почувствовал холода, мои пальцы просто вошли вглубь этого сияния. Я вытащил руку, и по ней заструился тот же свет, слезами скатываясь за рукава, а потом по подбородку, по щекам, а потом...

> Впереди еще целая вечность, в которой мы обязательно будем вместе

Потом я, кажется, и в самом деле заплакал. Остальные, набрав воды, кипятили на лугу чайник, пили чай, а я сидел на берегу и думал о правде, о счастье, о Боге (тогда я еще не был крещен и не знал ни одной молитвы). Думал о любви, о том, что где бы я теперь ни оказался, я не смогу жить там, как у себя дома. Вот он — мой дом. Эта долина ждала меня очень долго, может быть, сотни лет. А я уйду через сорок минут только потому, что скоро совсем стемнеет. И вместо того чтобы остаться здесь навсегда, я уйду обратно в лагерь, мы сядем в лодки, и поплывем все дальше и дальше от света, и не сможем вернуться, у нас не будет продуктов, времени, денег, возможностей, да мало ли чего может не быть у нормальных людей.

Мне захотелось пить, я встал на колени, наклонил голову над самой водой, чуть дыша на серебристое прозрачное зеркало, и вдруг понял, как можно вернуться назад, как прожить всю свою жизнь, не изменив тому, что однажды увидел. Нагнувшись еще ниже, я прижался к воде губами, но не раскрыл их. Я поцеловал сверкающую поверхность и тут же отпрянул, боясь принять в себя даже малую частицу этого священного света. Медленно поднявшись с колен, я повернулся спиной и побрел прочь, не оглядываясь назад до самого перевала. Там все-таки пришлось обернуться и еще раз посмотреть вниз на уже совсем бледное, сумеречное сияние.

— До свидания, я еще приду к тебе, — подумал я и услышал беззвучный ласковый ответ:

— Приходи, здесь будут всегда ждать тебя.

С тех пор прошло уже больше пятнадцати лет. Я многое видел. Где только не побывал еще. Встречал и такие места, в которых был бы не прочь поселиться, но только на время. Пускай на десять, на двадцать, на тридцать пять лет, это не так уж и много для вечности, которая ждет меня. Разные проносились времена. И веселою, и горькою казалась мне жизнь. И многое из того, что клялся навеки сберечь, уже забыто напрочь. Но в самые страшные минуты мне всегда приходило на помощь мое озеро. Спасала душу от неминуемой смерти память о дивной свече, невидимо без пламени освещающей и согревающей мир. Иногда мне кажется, что я посетил одно из последних мест на Земле, где можно ощутить древнее присутствие Бога. Ту часть первоначального творения, на которой еще лежит первое благословение Творца. И тогда мне хочется помолиться, но я не могу сложить нужных слов.

Как бы там ни было, та радость, что я испытываю, когда думаю о нем, не изменилась с тех пор, как я последний раз оглянулся в полутьму. Она так же глубока и светла, и никто не сможет доказать мне, что глупо строить свою жизнь на впечатлении длиной не более часа. Есть время и Время. Несколько наших встреч стали для меня таким же неоценимым сокровищем, как все то, о чем я сейчас написал тебе. И впереди еще целая вечность, в которой мы обязательно будем вместе. А до тех пор я буду ждать тебя столько, сколько ты захочешь.

Твой NN

ПОРТРЕТ.
Николай Гоголь.

— Да! терпи, терпи! — произнес он с досадою. — Есть же наконец и терпенью конец. Терпи! а на какие деньги я завтра буду обедать? Взаймы ведь никто не даст. А понеси я продавать все мои картины и рисунки, за них мне за все двугривенный дадут. Они полезны, конечно, я это чувствую: каждая из них предпринята недаром, в каждой из них я что-нибудь узнал. Да ведь что пользы? этюды, попытки — и все будут этюды, попытки, и конца не будет им. Да и кто купит, не зная меня по имени?.. Зачем я мучусь и, как ученик, копаюсь над азбукой, тогда как мог бы блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.

Эти строки, написанные 170 лет назад, касаются, конечно же, не только художников. Подлинное искусство всегда противоположно искушению, но между ними часто лежит всего один шаг. В своем мистическом детективе Гоголь, не в пример нынешним путаникам, прямо рассказывает и о том, кто же вечно соблазняет всякого творческого человека, и о том, почему ему это удается, и том, как с Божьей помощью художник может очистить свою душу и отстоять свой талант.

Подробнее:
http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/
http://nesusvet.narod.ru/ico/books/lepahin2/gogol.htm

Дом, в котором ты живешь

Красивый дом. Какой он? Тот, который радует глаз и на него невозможно наглядеться? Бывает, выберешь конфетку по красивому блестящему фантику, а возьмешь ее в рот — неприятно, невкусно. Твой дом должен быть в твоем вкусе, удобным и приятным для тебя. Красота вмещает в себя кроме внешней красоты еще и внутреннюю. Красивый дом — уютный дом. Тот дом красив, в котором хочется жить.

Автор:
Матушка Елена

Мы обряжаем свои отношения с Богом определенными условными действиями, внешними предметами. Так уж человек устроен — для закрепления внутреннего мира ему нужны вполне определенные обряды и обычаи. Точно так же взаимоотношения в семье обряжаются неким образом обстановкой в доме.

Дом, наше жилище — как бы тело, в котором живет душа семьи. И точно так же, как по внешнему виду человека можно судить о его внутреннем мире и характере, так же и наше жилище отображает атмосферу в семье. Наше пребывание в доме накладывает отпечаток на его внешний вид. Часто легко догадаться, живет ли в квартире одинокий мужчина или многодетная семья, обитают там ученый или артист, два старика или молодожены.

В свою очередь, есть и обратная связь. Обстановка в доме часто влияет на настроение хозяина, на взаимоотношения в семье. Вы, наверное, сами замечали, как неубранная постель или невымытая посуда пагубно влияют на внутреннее состояние, расслабляют и дезорганизуют. Грязь и беспорядок в доме часто приводят к ссорам между супругами, недовольству друг другом, постоянным нареканиям к детям. Я уж не говорю о том, что просто неприятно жить среди пыли и мусора.

Дом должен быть чистым – с этим никто не спорит. Но достаточно ли этого? Вы скажете: нет. Еще нужны удобства. Все это есть, например, в больнице. Там и чисто до стерильности, и тепло, и все функционально удобно. Но вряд ли кому-то захочется там жить. Потому что человек чувствует себя там неуютно.

Дом должен радовать. Домой должно тянуть. И в этом заключена большая сила уютного дома. Ваш муж не захочет задерживаться на работе, не пойдет с друзьями пиво пить, а будет спешить вернуться к семейному очагу, где ему рады и всегда ждут.

Ваш ребёнок не будет рваться из дома в подворотню. Даже женившись или выйдя замуж, ваши дети с радостью будут приезжать в любимое гнездо, где выросли, к любимым родителям. С порога будут втягивать носом знакомый запах родного дома. Вы не обращали внимания, что каждый дом имеет свой неповторимый запах? Одни дома пахнут приятно, другие не очень. Хорошо, когда в доме стоит запах пирогов, и плохо, когда воняет прокисшими щами. Хорошо, когда вдыхаешь в себя аромат цветов, и плохо, когда дыхание перехватывает от пыли. И каждый дом имеет свой набор запахов, свою неповторимую комбинацию. Обратите внимание, как и чем пахнет у вас.

Что же сделать, чтобы дом стал уютным? Для этого нужно приложить к нему свою душу.

А это значит, что, когда вы обустраиваете свой дом, вы должны с любовью и заботой думать не только о себе, но ещё и о других, о своих близких. Стараться сделать их жизнь приятней и удобней. И тогда всё в доме, даже в ваше отсутствие, будет хранить тепло ваших рук. Вот почему дома холостяков редко бывают уютными – здесь никто ни о ком не заботится. А вот в домах у стариков, даже уже одиноких, необыкновенно уютно, потому что каждая вещь помнит и хранит ту любовь к близкому человеку, с которой она была куплена, им сделана, починена, заштопана.

Вообще это очень здорово, когда каждая вещь в доме имеет свою историю. Когда можно сказать: «Вот эту вазу нам подарили на свадьбу, эти часы – когда мы въехали в новую квартиру, а вот этот диванчик мы купили, когда родили первую дочку».

Я очень люблю, приезжая к бабушке, рассматривать её сервант, где помимо посуды хранятся дорогие её сердцу вещицы. Про каждую из них она может рассказать какую-нибудь интересную семейную историю. Я их все давно уже знаю, и знаю благодаря этим незатейливым предметам. Вот статуэтка девочки, которую подарила бабушке её бабушка, а той её подарили, когда она была ещё девочкой. А вот пепельница, которую привёз дед из Берлина, когда воевал. Вот самовар, у которого согнута ножка, потому что он попал под паровоз в 15-м году, когда бабушкина семья переезжала. А вот гвоздик из разрушенного Соловецкого монастыря, туда бабушка ездила в паломническую поездку. И многое-многое другое. Расспросите своих бабушек, мам, тётушек, почему они хранят на видном месте такие странные и даже смешные вещи.

Приятные воспоминания при взгляде на какой-то предмет обстановки создают внутреннее умиротворение. А вот от вещей, которые напоминают о чём-то мрачном, надо избавляться. Избавляться надо и от ненужных вещей, потому что за любовью к истории может прийти страсть к вещам. Не надо захламлять свой дом – он не станет от этого ни красивей, ни уютней. А вот неудобней станет. Захламлённый дом, как ни убирай, всё равно выглядит небрежно. Да и убирать его гораздо тяжелей: все углы забиты, в шкафу ничего не найдёшь, ничего в него не уберёшь. Естественно, что со временем вещей становится всё больше и больше, – что-то вы покупаете сами, что-то вам дарят. Но не надо приобретать новые шкафы, сундуки, комоды, чтобы всё это туда спрятать. Лучше раздайте вещи, ставшие для вас ненужными, не жалейте их. У вас их съест моль, а есть люди, которые в них нуждаются. На случай, когда жалко расстаться с какой-нибудь любимой кофточкой, есть один простой принцип: если вы полгода ли год её не надевали, вряд ли уже наденете. И зачем она будет у вас место занимать?

А что делать, если в доме не вещей много, а места слишком мало? Поможет только очень строгая организация хозяйства. У каждой вещи должно быть своё место. А места эти, в свою очередь, надо продумывать до мелочей с точки зрения их удобства и компактности – помогут стеллажи до потолка, коробки, обклеенные обоями для красоты; складная и высокая мебель. У меня есть один знакомый, который жил в комнате площадью 9 квадратных метров с женой, двумя детьми и тёщей. И когда мы приезжали к нему в гости со своими двумя детьми, мы все прекрасно размещались за праздничным столом, который раскладывался на месте непонятно как убранной в стену двухъярусной кровати. Их комната напоминала фантастический фильм. Здесь всё трансформировалось, преображалось в зависимости от потребностей семьи. Комната не казалась тесной, и никто не испытывал неудобств. Так что отчаиваться не надо ни в какой ситуации.

Ещё очень важно, чтобы дом был индивидуален, неповторим. Это очень странно – приходя в дом своего соседа или друга, видеть у него свою собственную обстановку. К сожалению, современные рекламы так или иначе призывают именно к этому, навязывая стандартные решения интерьера. Под видимым разнообразием «идей для дома» скрывается безликая обстановка. Да, идей очень много, но из них надо уметь выбирать то, что по сердцу, что именно ваше.

Когда мы в очередной раз куда-то переезжаем и друзья приходят на новоселье, они с удивлением говорят: «У вас так же, как и на Таганке!» Хотя прошло много лет, у нас сменилась мебель, шторы и вообще вместо одной комнаты – целая квартира. При всем этом я очень люблю новые идеи и постоянно что-то переделываю. Видимо, общая атмосфера, стиль остались те же.

Дом будет уютней не только для вас, но и для вашего супруга, если вы обустраиваете его вместе. Это необходимо, чтобы дом стал родным для каждого, кто в нем живет. Сделать это нетрудно, потому что помимо женской всегда найдется мужская работа. Только используйте её с умом. Одно дело попросить: «Просверли мне тут дырку, прикрепи сюда крючок». И другое дело сказать: «Смотри, какая замечательная картина, давай придумаем, куда ее повесить; а для нашего малыша привинти вот этот крючок в прихожей». Старайтесь вместе выбирать мебель, вместе её расставлять. Потому что то, что вам кажется удобным и красивым, может быть неудобным для другого, раздражать и мешать ему. Ко всему прочему, совместный труд, как известно, объединяет.

Что конкретно можно сделать для уюта? Хорошо, когда в доме живые цветы. Они не только оживляют обстановку, но и улучшают воздух. Также обстановку оживляют аквариум и птички, очень приятно, когда среди зимы слышишь совсем летние птичьи трели.

Большую роль в создании уюта играют шторы и вообще окна, их оформление. Не вешайте что попало. Подберите подходящий цвет, потому что он, освещённый окном, придаст определённый оттенок всей комнате. Она может стать тёмной или светлой, весёлой или мрачной, воздушной или тяжеловесной только благодаря шторам. Конкретные советы ищите в специальной литературе – сейчас много журналов по интерьеру и обустройству дома. Они насыщены всевозможными идеями и рекомендациями.

> Что же сделать, чтобы дом стал уютным?

> Дом должен радовать. Домой должно тянуть

ХЛЫНОВСК.
ПРОСТРАНСТВО ЭВКЛИДА.
Кузьма Петров-Водкин

...Дядя Ваня просил Андрея Кондратыча, чтоб только не страшное что-нибудь было изображено на моей колыбели. Кондратыч это понимал не хуже дяди и расписал колыбель одним «небесным колером», развернув его во всех нюансах. Цветики небесные, которыми земля держится и не колеблется. Ни одного предметного названия не было в росписи — только разумнейшее чередование цветовых элементов и их ритмика. Как в солнечном свете, над полем песнь жаворонка— с этим я мог сравнить впоследствии цветную мою колыбель...

Хорошие воспоминания всегда интересны. А если их пишет художник, они еще и красивы. Петербург и Поволжье конца XIX века, Москва и Мюнхен начала XX – все это не просто роскошная декорация судьбы главного героя. Взрослеющий художник живет всеми красками и формами мира, подаренного ему Творцом. В книге Петрова-Водкина мало прямых упоминаний о Боге, но каждая ее строчка дышит искренней благодарностью мастера к Тому, Кто дал ему талант и указал способы его приложения.

Подробнее:
http://hlinovsk.narod.ru/P-V.htm
http://www.abcgallery.com/P/petrov-vodkin/petrov-vodkin.html

Иван Лопатин

Мегаполис — это не город

Автор:
Леонид Владимиров

Человек с рождения живет в архитектурном пространстве, будь то деревня с тремя хижинами из листьев или современный мегаполис из стекла и бетона. Этот пласт культуры он поневоле наблюдает каждый день, чаще, чем, возможно, слышит музыку или смотрит на картины, что говорит об исключительной важности этого явления. Уже давно была отмечена сила влияния архитектурной среды на психику человека. Как развивался все это время русский город и что происходит с ним в наши дни?

По материалам сайта http://www.mahnach.by.ru/articles/

Гардарика — Страна городов — называли скандинавы еще языческую Русь. Изобилие богатых градов русских отмечали и византийцы, и арабские купцы. А в начале XIII столетия православная Русь насчитывала около 400 городов. Европейский город отгораживался от сельской жизни и отворачивался от пейзажа, русский город был теснейшим образом связан с сельским хозяйством и поистине развернут лицом к природе.

Для нашего открытого города с широкими улицами характерны связанные с природой композиции. Городской дом в два-три этажа, а зажиточный еще имеет «вышку» или «терем», с которого можно обозреть пейзаж. В Кремле есть Теремной дворец московских царей 1630-х годов. Там наверху — палата с большими окнами, окруженная открытой галереей, чтобы в хорошую погоду государь мог пригласить гостей прогуляться, а в дурную — полюбоваться видом из этих окон.

Иногда улицу было уместно изогнуть так, чтобы она обошла храм. Таким образом, храм оставался замыкающим взгляд объемом, воздействуя на людей как городская доминанта, обращенная к небесам. Кривые улицы русских городов помимо того, что не устраивали в холодную зиму «аэродинамических труб», имели еще и эстетическое значение. Вы постоянно находились как бы в живой среде, двигаясь по улице, вы открывали следующий образ, следующую доминанту. В наших городах многие улицы ориентированы на отдаленный храм, часто находящийся в более высокой части города. Так, в Москве Большая Дмитровка и Ордынка ориентированы на храм Василия Блаженного.

В Петровское время русская городская среда обитания сопротивлялась регулярности. Когда появилось требование строить дома по красной линии улицы, русский домовладелец начал отгораживаться крошечной полоской полурукотворной природы — между фасадом и тротуаром завел палисадник. И давно забытое «правило прозора» продолжало действовать: мы почти не видим улиц, кроме Петербурга, где старая застройка образует непрерывный фасад.

Россия долго сопротивлялась классицизму. Его пропагандировала Екатерина II, однако классицизм оставался в XVIII веке казенным стилем и стилем дворянской усадьбы. Классицизм был по-настоящему принят нашими соотечественниками лишь в начале XIX века, когда он обрусел, стал теплее, уютнее. Классическая архитектура выразила старинную национальную форму, которая звалась вышкой, затем теремом, потом светлицей, в мезонине. Только в России колонный портик превратили в террасу для чаепития. Все то же неизбывное стремление к связи дома с пейзажем. И, разумеется, каждый дом имел надворные постройки, необходимые любой нормальной самостоятельной семье, и заросший травой двор. Было где детям играть.

Заметьте, еще в начале нашего века большинство русских горожан жили в своих домах. Как тут не вспомнить Пушкина: «В России нет человека, который не имел бы собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности».

Русский город начали разрушать революционеры в 1917 году, продолжают разрушать их потомки, ловкачи, посжигавшие или припрятавшие свои партбилеты, на наших глазах. Первым достижением «пролетарской» власти (напомним, что «пролетарий» на русский язык правильно переводится словом «босяк») стали коммунальные квартиры. Иностранцы не понимают этого термина: для них «коммунальная» — это квартира в доме, принадлежащем городской коммуне, муниципалитету, а не частному владельцу. Справедливее называть такие квартиры «коммунистическими» — все равно больше нигде таких нет. Откуда же взялась катастрофическая нехватка жилья? Первыми в крупные города хлынули представители «угнетенных народов» с окраин Российской империи. Сами окраины — одни надолго, другие навсегда — стали иностранными государствами, но кого это волновало? Некому было указать на дверь интернациональным оккупантам. За ними примчалось революционное босячье с установкой «все поделить поровну». Эти годились штыками выбивать из крестьян продразверстку, работать на земле они не собирались.

Далее пошла волна неслыханной в истории бюрократизации: конторы, советы, подкомитеты и подотделы росли как поганые грибы. Еще в 1928 году рижский журнал «Русский колокол» сообщал, что в губернских городах Европейской России от 20 до 50 (!) процентов жилой площади занято партийными, советскими и непонятными организациями. При этом, заметьте, ничего не строилось. И не ремонтировалось, а амортизировали несчастные дома всякие коммуны и жилтоварищества с усердием, описанным М. Булгаковым. Вскоре добавилось большое человеческое горе: в городах искали убежища жертвы коллективизации, раскулачивания, расказачивания. В 40-е годы в одних областях жилье разрушала война, в других — эвакуация, особенно эвакуация предприятий. Правда, в это время уже строили, но сколько строили, столько и сносили.

Но поистине страшный удар по русскому дому и русскому городу нанес Н. С. Хрущев. Архитектура закончила в России свою историю. Русский дом, впрочем, тоже. Вместо дома миллионам соотечественников предоставили клетушки сначала в 5-, затем в 12-, а позже в 16- и 22-этажных бараках. А барак, даже если клетушка снабжена «удобствами», так бараком и останется. Вы заметили, как вас тогда ограбили? Похлеще времен красного террора! Сколько прекрасной старой мебели осталось на помойках! Сколько антиквариата, сколько тонн антиквариата уплыло за границу! Ведь вас лишили семейного достояния, копившегося поколениями.

Сейчас говорят о вымирании русских. А когда этот «процесс пошел»? Ответим точно: ежегодный прирост русского населения стал ниже, чем у мусульманских народов СССР, много меньше затронутых индустриальным жилищным строительством, только в 60-х годах.

> В мегаполисах люди быстро теряют совесть

Беспорядок и преступление обычно неразрывно связаны. На человеческое поведение глубоко воздействует окружающая его среда. Разбитые окна, надписи на стенах, пьянство и откровенные сцены ничем не ограниченной сексуальности являются как бы приглашением к совершению преступления. Декларацией того, что окружающая среда никем не контролируется и контролю не поддается. И что любой может вторгнуться в нее и нанести любой вред и ущерб, который ему только захочется произвести. Это работает почти как часовой механизм. Когда этот эффект разбитого окна аннулирован и подобные элементы удалены или подавлены в пределах данного сообщества, процент преступлений резко падает. Упорядоченная и более достойная атмосфера поощряет вежливость и нравственное поведение. В то время как беспорядок разводит анархию и безнравственность.

Из книги Джеймса Вилсона «Размышления о преступлении»

То есть русский народ пережил революцию, страшную войну, но не смог пережить «хрущоб». Вот уж, поистине, «русские в неволе не размножаются!» Вы задумывались над тем, сколько русских женщин абортировали не потому, что не на что воспитывать детей, а потому, что негде?

А родившимся детям наши микрорайоны массовой застройки опаснее всего. Ю. М. Лотман предостерегал, что новые города создают у детей от рождения информационный голод. Сельский мальчик набирает необходимую информацию, глядя на речку, рощу, лужайку; городской должен насыщаться, бегая по кривому переулку с непохожими друг на друга домами, а особенно во дворе или на чердаке. Дворов у нас давно уж нет, а в новых районах и улиц нет. А есть проезжая часть. Еще 12 лет назад В. Л. Глазычев опубликовал две подборки детских рисунков. Одна группа ребят жила и училась в домах старой застройки, другая — в новом районе. Страшненькое сопоставление. У детей второй группы не было неба: фасад многоэтажной коробки доходил до края листа.

> Русский город был поистине развернут лицом к природе

Возражения возможны, но, как правило, они лживы.

Ложь первая: индустриальные методы дают возможность быстро, небольшим количеством рабочих рук, создать столь необходимое жилье.

Семиэтажные кирпичные дома в предреволюционные годы возводились за два строительных сезона. Железобетонный дом длиной в квартал напротив Данилова монастыря в Москве строили лет пятнадцать. Рабочих мало стало на площадке, но много на заводе ЖБИ. Потеряли работу каменщики и плотники высокой квалификации, и образовалось множество мест разнорабочих. Кстати, демократия всегда составлялась из людей квалифицированных и зажиточных. Мастер, живущий в своем доме, — вполне естественный гражданин. Чернорабочий-алкоголик из 16-этажного барака — лишь элемент массы, толпы, голосующий по приказу начальства.

Ложь вторая: дорога городская земля.

Уже в начале перестройки видные архитекторы признавали, что разумный градостроитель всю Москву с промышленностью и парками уместил бы в пределах Садового кольца. В кварталах сплошной 16-этажной застройки нормы требуют оставлять гигантское расстояние между корпусами. Все это — выброшенная земля. Вы задумывались над тем, почему наши города такие пыльные? Из-за немереных пустырей. Земля в городе имеет право существовать либо под асфальтом, либо под травой. Кстати, самая плотная застройка достигается, когда мы варьируем этажность в одном квартале от 4-х до 12-ти этажей.

Ложь третья: если ты не секретарь райкома (новый рашен), собственный дом можешь иметь только с удобствами на дворе.

Однако весь мир живет не так. Для людей бедных, которые не могут владеть приличным земельным участком, придуманы секционированные постройки. Это когда у вас свои 2-3 этажа, вы выходите из дома не на лестничную клетку, а в собственный садик, но за стеной справа такая же секция другой семьи, то же и за стеной слева. В Финляндии примерно 30 процентов населения живет в собственных домах, 20 процентов — в городских квартирах, а около половины финнов — в домах секционных. Среди сосен. Заметим, что Финляндия — довольно бедная страна, просто это часть Российской империи, не пережившая революций.

Человек — не крыса

Для современной географической науки мегаполис — особый тип поселения, так же отличный от города, как город от деревни. Жаль, что социологи, психологи, политики пока еще не уяснили, что мегаполис — не город. В мегаполисах люди быстро теряют совесть, по крайней мере, профессиональную: стоит ли водопроводчику заботиться о своей репутации, если его вызывают по телефонной книге? В мегаполисе разрушаются нити нефор-

мальных связей, пронизывающих город и составляющих скелет любой демократии.

В мегаполисах разрушаются корпорации, общество теряет структуру, превращаясь в толпу. Мегаполис притягивает мигрантов, босяков, бомжей, преступников. Мегаполис порождает переуплотненную среду обитания, как бы оправдывая массовое многоэтажное строительство.

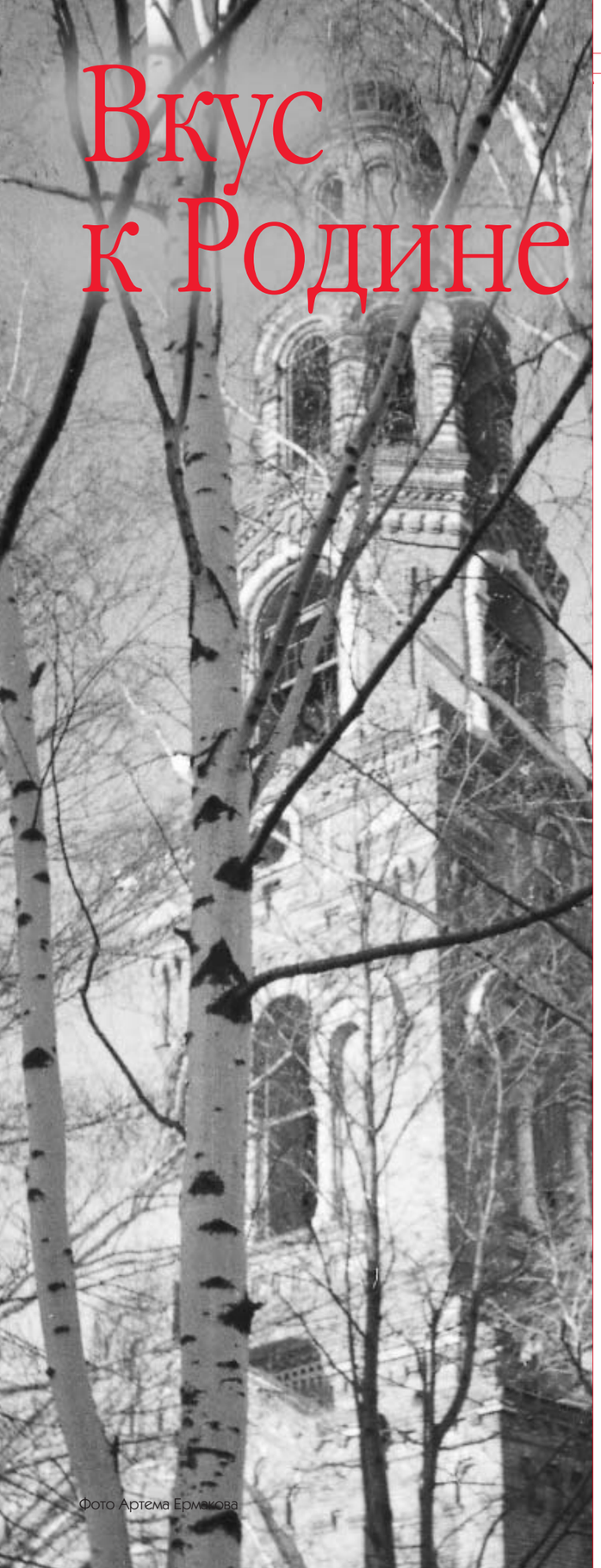
Выше 12-го этажа жить вообще вредно из-за вибраций, ведь дом раскачивается. Вредно и вследствие чрезмерного расстояния до земли. Мы не осознаем, что нам неуютно смотреть в окно, но на самом деле на высоких этажах живем в состоянии непрерывного стресса. Малышам это просто уродует нервную систему. Мы нынче подражаем Западу? Но там люди не живут в небоскребах. Все высотные здания — это офисы или гостиницы, в которых вы проведете неделю-другую. Даже Нью-Йорк — это не Манхэттен, а уж вся Америка — далеко не Нью-Йорк. Стыдно признать, но современный небольшой американский город куда больше советского похож на город русский. Кроме несчастной России существует только одна страна в мире, ведущая массовую многоэтажную застройку, — это Япония. Японцев можно понять. Их — 130 миллионов на скалах. А у нас места куда больше, чем у голландцев, датчан, немцев. Поспрашиваайте родных, соседей, сослуживцев, сколько этажей должно быть в доме, где они хотели бы жить. Гарантируем, самый частый ответ будет: два этажа.

> Новые города создают у детей от рождения информационный голод

Около 20 лет назад английские биологи провели эксперимент на довольно миролюбивых черных крысах. Их поместили в необычайно плотную среду, разделенную на клетушки, подобные современным квартирам. Пищи, воды, света, воздуха вполне хватало. Крысы посходили с ума, у них началась эпидемия небывалой агрессии: убийства и даже изнасилования, чего и вообще не бывает в животном мире. Мы, конечно, не крысы, но это означает лишь то, что мы напрягаем волю и разум, дабы не обижать соседей, соотечественников.

Фото Арсения Журова

Вкус к Родине

Фото Артема Ермакова

Поговорим о красоте и патриотизме – любви к Родине. Слово любовь, в наше время это стало хорошо понятно, вовсе не очевидно. Это и эрос – влечение, наслаждение, удовольствие. Это и филия – признание значимости, глубинного единства и общей судьбы. Это и агапи – любовь жертвенная, способная на самоотречение, даже до смерти. Редакция не скрывает своей любви к России. Ниже мы приводим два материала, в которых современные мыслители Егор Холмогоров* и Александр Панарин* размышляют о том что такое любовь к Родине для русского человека. Мы рассматриваем их как приглашение к разговору и продолжим эту тему в ближайших номерах.

Егор Холмогоров *

Историк и публицист, политический обозреватель радиостанции «Маяк»

Александр Панарин *

Отечественный мыслитель и политолог, проделавший путь от «честного демократа» до «православного фундаменталиста». Одна из лучших работ А. Панарина — это его предсмертная книга «Православная цивилизация в глобальном мире»

Автор: **Егор Холмогоров**

Как немного кантианец, я долго размышлял: к предмету какой из «критик» относятся нация, Родина, патриотизм... И пришел к выводу, что патриотизм – это не по ведомству «чистого разума» и не по ведомству «практического разума». Это не познавательная и не моральная категория. Это категория эстетики, а переживание Родины – эстетическое по своей структуре и смыслу переживание...

Смысл патриотического переживания состоит в видении целесообразности Родины как предмета этого переживания. И это узрение целесообразности не зависит ни от разума, ни от рассудка. Оно связано с удовольствием, испытываемым от видения и переживания Родины. Родина вызывает радость. Родина вызывает чувство удовлетворения. «Быть русским – хорошо». И с этим, разумеется, невозможно и бессмысленно спорить. Поскольку удовольствие либо есть, либо его нет.

> Антипатриот – это не столько дурак или негодяй, сколько пошляк, вкуса лишенный

А патриотизм является обобщенной формой патриотического переживания, устанавливающей, что удовольствие не субъективно, а имеет значение и для других. Другими словами, патриотизм в эстетике Родины – это кантовский «вкус», инстанция, притязающая на всеобщность.

Не случайно, что именно насквозь, казалось бы, рационалистическое кантианство дало мощнейший импульс немецким романтикам, которые все были архипатриотами. И космополит Кант в итоге породил националистов Фихте и Гегеля. Он это сделал не гносеологией и не этикой, а именно своей эстетикой, ставшей, если уж говорить серьезно, наиболее влиятельной частью его учения. Просто умные люди вроде Шиллера сразу же поняли, что эстетическому переживанию подлежат не только явления природы и произведения искусства, но и социально-культурные феномены – прежде всего Родина и народ.

Патриот – это тот, кто имеет вкус к Родине, способен ее переживать и способен сделать свой вкус действительно вкусом, не оставляя его на ступени каприза. Нация – это большая группа людей, объединенная переживанием своей Родины как прекрасного и возвышенного и обработавшая в себе это переживание до уровня высокого и развитого вкуса.

Напротив, антипатриот, при этом условии, – это не столько дурак или негодяй, сколько пошляк, вкуса лишенный, разбрызгивающий вокруг грязь и издающий зловонный запах. Антипатриот вульгарен. Настолько вульгарен, что сводит свою деятельность к тому, чтобы оскорблять собой взор людей благопристойных и обладающих вкусом. Он это очень хорошо понимает, поскольку стихия антипатриотизма – это глумление, это хулиганство: насмешки, оскорбления, дурно пахнущие выходки. То есть – типичные выходки зоила.

Вопреки общераспространенному мнению, вкусовые разногласия – не самые легкопримиримые, а напротив – самые неустранимые из всех. Человеку, который не согласен с тобой в познании, можно нечто доказать. Человека, который не согласен с тобой в нравственных вопросах, можно перевоспитать словом и примером. Человека, который испытывает иное удовольствие от видения целесообразности, чем ты, с которым настоящее глубокое несогласие во вкусе, возможно только убить. Если не физически, то социально, то есть отстранившись от него, поместив себя и его в разные социальные вселенные. Если же он пытается разрушить твой акт наслаждения прекрасным, если он ломает кайф, то ничего, кроме убийства, не остается. Войны в мире никогда не вели против заблуждающихся, редко – против негодяев. Чаще всего – против кайфоломщиков.

P. S. Отсюда понятна и причина вселенской русофобии и ее широкой распространенности и популярности. Русские – действительно великие кайфоломщики, они ломают «цивилизованным» народам значительную часть их утонченных наслаждений. Отсюда и крайняя степень ненависти, и желание убрать мешающую и очень большую вещь. Вид загораживает. России человечество обычно не мешает. Само по себе. Оно мешает тем, что мешает нам наслаждаться Россией. А поскольку эти помехи будут вечными, то Россия и человечество практически непримиримы. Кто-то кого-то вынесет.

Автор: **Александр Панарин**

В самом русском патриотическом подъеме 1914 года было что-то подозрительно «литературное», импрессионистское, в нем чувствовалось «умиление» декадентской души, радующейся поводу стать «цельной и органичной». Но война – дело не литературное, в ней не обойтись одним только патриотическим вдохновением. Здесь требовалась способность выносить предельные тяготы, длящиеся беспредельно, – ибо войне не было видно конца, а также требовались организованность, предусмотрительность, рациональный расчет – добродетели, редко уживающиеся с импрессионистской впечатлительностью. И по мере того как война затягивается, а первые удачи сменяются неудачами и поражениями, в обществе возникает реакция, напоминающая «парадоксальную фазу» в физиологических опытах И. П. Павлова. Нормальной реакцией здорового национального организма на первые неудачи было бы сплотиться сильнее, покончить с сомнениями, сосредоточиться внутренне и внешне, развить в себе способность идти на тяжелые жертвы ради конечного торжества. Вместо этого в русском обществе вызревает раскол, партия германофилов и западников оживает и, начиная с критики правительства за его нерасторопность и неорганизованность, кончает критикой России как страны, которая вообще не имеет права вести войну и сопротивляться «передовой Германии». Раздражительному и впечатлительному общественному мнению война начинает подаваться как не народное, а «империалистическое» дело, как затея правительственных верхов, которым и расхлебывать эту кашу. Русский рабочий поверил в классовый характер войны, а русский крестьянин «просто» захотел к земле-кормилице, давно по-настоящему не паханной и не сеянной. Подумайте: враг наступает на жизненные центры страны, он настойчив и беспощаден и, судя по всему, никакими частичными уступками не удовольствуется.

Политический класс Германии, ввергший страну в авантюру, стоившую миллионы жизней, не имел бы никаких шансов оправдаться перед нацией, если бы плоды войны обернулись незначительными территориальными обретениями и взиманием терпимых для противника контрибуций. Нет, ставка была высокой – столь высокой, что у побежденных не оставалось никаких шансов. И вот перед лицом этих вполне очевидных вещей красные агитаторы поощряют дезертирство с фронта, говорят об одностороннем разоружении и о желательности поражения собственной страны в этой войне. И самое чудовищное состоит в том, что им внимают, у них находится все больше сторонников. Обнаружилась загадочная способность российского прогрессизма наихудшие человеческие чувства и страсти: дезертирство и предательство, капитулянтство и преклонение перед наглеющей силой – «конвертировать» в звонкую монету самых передовых, самых радикальных лозунгов. Эта инверсия моментально превращала самых худших в самых передовых, а наиболее терпеливых, самоотверженных и стойких – в темные силы реакции, шовинизма, империализма и т. п.

Он сказал: «Я могу испачкаться о погон»,– и был убит

Какие чувства будит у нас обычно вид по форме одетого военного? Жалко солдатика? Или просто красиво? Но красота и война – вещи, казалось бы, несовместимые. По идее, война ужасна, поэтому красота должна быть чужда тем, кто в войне участвует. Но что мы обнаружим, если задумаемся над этим явлением поглубже? Рассказать о взаимосвязи воинской и мужской красоты мы попросили известного ученого и публициста Владимира Леонидовича Махнача*.

Беседовала **Ирина Капитанникова**

— Владимир Леонидович, в массовом женском сознании чаще всего именно военный представляется эталоном мужской красоты.

— Красота воина и красота воинской службы связаны прежде всего, как мне кажется, с тем, что воин — это первоначальное предназначение мужчины. Воин, охотник, рыбак – все, связанное с опасностью. С этого человек начинал с тех пор, как за грехопадение родителей был изгнан из земного рая. Красота мужчины – это красота воина. Есть такая классическая греческая статуя «Копьеносец» – скульптура Поликлета: изображен абсолютно обнаженный мужчина с копьем на плече. Вместе с тем его поза — это поза гоплита, т.е. тяжеловооруженного греческого копьеносца, с которого сняли панцирь и оставили только копье. Тот образ, который издавна привлекает своей красотой, – это воин. Это совершенно естественно. Воинская служба всегда была красивой, а воин сам по себе красив, хотя бывали, наверное, и некрасивые воины. Но, тем не менее, и ассирийские пехотинцы со стальными мечами в их сложных панцирях, и греческие гоплиты со щитами и копьями, и римские легионеры, и рыцари, и кирасиры XVIII–XIX веков, и пехотинцы, и особенно гренадеры — все были красивы в восприятии общества, мира того времени. В достославные эпохи, когда народ был единым, отстаивал что-то общее, эпохи, которые мой великий учитель Гумилев назвал «эпохи этнического подъема», девушки любили не комедиантов, как в наше время, а воинов, и они были самыми желанными женихами.

Вот я перенесусь в одну очень интересную эпоху. В 1762 году был издан Манифест о вольности дворянской. Дворянин получил право не служить и жить одними доходами от имения, если мог себе позволить. Но вот что интересно: как отмечает дворянин Мотовилов, собеседник преподобного Серафима, все равно каждый дворянин, и богатый тоже, какую-то часть жизни служил, потому что, если не служить вообще, можно и невесты не найти. Вот установка: «Я имею право не служить, и средства у меня есть, но это неприлично». Поэтому были те, кто по-прежнему служил всю жизнь, были те, кто служил несколько лет, но служили все. Никак не приживался образ неслуживого дворянина. Дворяне служили веками до Манифеста о вольности дворянства по необходимости, но насколько нормы приличия и красоты требовали снова надеть мундир!

> В достославные эпохи девушки любили не комедиантов, как в наше время, а воинов

— Объясните, а почему всегда стремились сделать красивым военный мундир? Какую смысловую нагрузку это несло?

— Военная красота — это красота. Но я хотел бы, чтобы все, кто будет читать это, поняли, что красота — в воинской чести, в воинской доблести, в воинской верности, а все остальное (не надо над этим смеяться) — мундир, погоны, эполеты, петлицы, цвета, ордена — это рама, потому что прекрасны сам солдат и сам офицер, если он настоящий солдат и тем более настоящий офицер. Мундир красив вторично. Но при этом ведь мы картину вставляем в раму? И рама должна быть красива, при том, что не стоит и тысячной доли того, что стоит картина. И мундир для военного — это тоже рама, которой он достоин именно потому, что он сам по себе — картина. Мы, к сожалению, во многом это утратили. Я когда-то написал об этой неправильности, порожденной коммунистическим режимом. Он, особенно после Второй мировой войны, привел к тому, что мы жалеем солдатика, а не любуемся молодым красавцем в форме прославленного полка. А любовались. И даже дамы и девушки знали, что означают те или иные цвета. Как говорит Скалозуб у Грибоедова: «А форменные есть отлички: в мундирах — выпушки, погончики, петлички». Вообще-то ничего дурного он не сказал, зря его так иронически трактуют. Он у Грибоедова — честный офицер, может быть, немного недалекий.

Владимир Леонидович Махнач *

Известный историк, искусствовед, автор многочисленных статей и книг: «Политика. Основные понятия», «Факты и смысл», «Россия, которую мы вернем»

Красота военного есть производное не только красоты самого воинства. Красива честь. Понятие чести очень особенное. Оно не тождественно честности. Честь бывает дурацкая, то есть бывают дурные ее проявления: «Вы задели меня плащом, пусть нас рассудит шпага». В этом есть даже нечто, противоречащее христианству. Но, вместе с тем, честь и это: «Я не могу поверить, что господин Иванов нечестный человек. Я знаю, что он человек чести».

Заметьте, что во все времена воин стремился быть красивым. Потому что это соответствует его долгу, его службе. В Африке, например, себя украшали кольцами, лентами, расшитыми набедренными поясами. Да что там Африка! На Крите 35 веков назад мужчины-воины украшали себя очень тщательно. Они ходили в парадной, в придворной обстановке, в обстановке религиозного ритуала почти обнаженными — в набедренных повязках и высоких сандалиях, почти полусапогах. Но при этом повязка укладывалась сложными красивыми складками, и чем выше был аристократ, тем более драгоценный пояс и сложный головной убор. Так же украшали себя воины и в другие времена. Рыцари носили плюмажи из перьев на своих очень простых шлемах. Шлем XI–XII веков — это вообще-то стальной горшок, тогда еще и поднимающегося забрала не было, но перья — это красиво. Начиная с XV века пошла эпоха наемных армий, но и каждый наемник себя украшал, хотя и скромнее. Я уже не говорю, что было принято носить в виде шарфа, обычно на рукаве, поверх доспехов, цвета своей дамы. Полного апогея это достигло в XVII веке. Весь мир забыл об удобстве военной одежды, важна была только красота. Когда выдающийся политик и военный реформатор Никколо Макиавелли формировал флорентийское ополчение, ополченцы получили, с нашей точки зрения, клоунский мундир. Они были одеты в белые кафтаны (а белое пачкается, и стирать им приходилось все время) и панталоны, у которых одна штанина была белая, а другая — красная. Но в эстетику того времени это вписывалось. Сразу было видно: вот военный, каска, одна штанина белая, другая красная — флорентийское ополчение. Этим гордились. И у нас уделяли некоторое внимание красоте военной одежды. Не случайно автор «Сказания о Мамаевом побоище» рассказывает, что у наших воинов в битве были алые яловцы. Яловец — это маленький флюгер на кончике шлема. Когда шли в конную атаку, он очень красиво развевался. Но дальше совершенно забыли об удобстве военной одежды. На Западе — с начала XVII века, у нас — с Петра I. Наша удобная военная одежда была забыта до конца XIX века, до царствования Александра III, когда она вновь стала удобной, но не такой красивой. Если перебрать, во что только ни рядили русского солдата, то его можно только пожалеть. Но привычка — вторая натура, она делает все. Мы разговаривали однажды с моим коллегой, который занимается военной историей, и пришли к такому выводу. Если бы современный полк заставить маршировать 30 км (это дневной переход) до места сражения, где он сразу же развернется и вступит в бой, летом в суконном застегнутом мундире, то наши нынешние солдатики, дойдя до поля боя, рухнут. Сражение просто не состоится. А ведь ходили и вступали в бой. И что интересно, зимой-то ходили в шинелях поверх мундира, но шинель неудобна для боя, поэтому в 20-градусный мороз скидывали шинели и в тех же самых мундирах, в которых сражались летом, шли сражаться в январе. И ничего, никто не помирал от холода, что характерно. Красота военного подвига была несколько принесена в жертву военной одежде.

Часто ругают военный костюм эпохи императора Павла Петровича. Но императора Павла принято ругать, к сожалению. Это был выдающийся монарх, а может быть, даже праведный монарх нашей истории. Говорят: он-де принял прусский мундир. Не будем защищать это, солдату, безусловно, неудобно носить косу, букли над ушами и сражаться в шляпе, которая постоянно норовит упасть. Но Павла I трагически не стало, появился мундир эпохи его старшего сына Александра Павловича. И что? Вы, положа руку на сердце,

скажете, что носить вместо шляпы высокий кожаный горшок, именуемый киверомъ, намного удобнее? А если вы — гренадер, то еще и помпон сверху, высотой с кивер, торчит, только за ветки и задевать. Но все думали только о красоте военной одежды. Нам, русским, между прочим, повезло с нашим национальным вкусом. Наш национальный цвет военной одежды все-таки зеленый. Во-первых, он хоть немного маскирующий, во-вторых, он пачкается не сразу. Сравните с пруссаками: еще терпимо — у них черный. У французов — синий, красные штаны появились позже, причем когда заслуженные офицеры и большие чиновники говорили, не опасно ли в красных штанах, то воспитанники школы Галифе говорили, что честь француза — в его красных штанах. И так они начали Первую мировую войну. А у англичан национальный цвет был красный, цвет вареного рака, так они воевали. Но хуже всех было у австрийцев, у которых национальный военный цвет был белый. Как это было весело: стирать чуть ли не каждый день, а уж чиститься — все время. Но честь дороже, это, между прочим, хоть я и позволил себе иронию, постижимо, потому что мундир – это рама. Это красота, которая оттеняет воинскую доблесть и воинский подвиг. Поэтому, когда форма стала мужицкой при Александре III, одном из выдающихся наших императоров, офицеры были ужасно недовольны. Когда ввели пояса (в конце XVIII века) вместо шарфа, а шарф повязывался, офицеры делали вышитые пояса, чтобы они были похожи на офицерские шарфы. Красота нуждается в раме. Ведь даже столь прекрасный гоплит не шел бы сражаться с одним копьем, обнаженный, хотя это очень могучий мужчина. В данном случае рамой был его панцирь, его шлем с гребнем из жесткого волоса.

Парадная форма в американском флоте, хотя не Бог весть какие они доблестные вояки, до сих пор — черный или белый, по погоде, застегнутый китель. В жизни они могут ходить и с расстегнутым воротом, но на параде — только вот так. В России при Александре I воротник на мундире стал стоячим. Зато каждый солдат и престарелый генерал глядели соколом, потому что иначе они просто не могли глядеть. С этим европейские армии прожили XVII–XIX века.

И все-таки каждая нормальная армия как старается сохранить свои знамена, оркестры, эмблемы, так она старается сохранить и красивый мундир, хотя бы для парада. И что удивительно неправильно: у нас сейчас сплошь и рядом по городу ходят офицеры, а иногда и солдаты, как оккупанты в полевой камуфляжной форме. Она для боя, а не для того, чтобы ходить по городу. Люди должны любоваться мундиром, а не удобным камуфляжем.

В те времена придумывали цвета, эмблемы, береты, символику — каждая армия старается что-то придумать. В конце XIX века офицерство было настолько недовольно мужиковатой формой Александра III, что Николай II начал возвращать, успел вернуть только гвардиям и учебным военным заведениям военную красивую, парадную одежду. Повседневная могла быть скромной. Появились невысокие кивера, широкий лацкан на груди мундира цвета полка, это стало очень красиво.

— Расскажите пожалуйста, а как возникли те или иные детали мундира, сохранившиеся до наших времен?

— Между прочим, многие элементы военной красоты были первоначально практичны и только со временем приобрели свою символику. Например, на рабочей одежде матроса нет прямоугольного воротника, иначе гюйса, но на парадной и выходной форме он есть. Что такое гюйс? Это кожаная или матерчатая подкладка, чтобы засаленные волосы с косой не пачкали рубаху, вот откуда он взялся. А ведь во что превратился? В красивейший элемент военной одежды. Даже появились легенды, что три полоски на синем гюйсе русского моряка — это память о трех величайших победах русского флота: при Гангуте, Чесме, Синопе.

Что такое погон? Это символ чести даже советского офицера, а насколько это символ чести русского офицера, я сейчас расскажу. На молодежном балу в конце 80-х годов XIX столетия подпивший студент подошел к молодому офицеру, хлопнул его по плечу и сказал: «Ну, как дела? Как настроение?». — «Прошу вас, уберите руку», — вежливо сказал офицер. «Ах, да! – сказал студент-радикал, — я могу испачкаться о погон!»— и был убит. Когда дело дошло до императора Александра, он сказал: «Ну что я могу сделать? Он поступил по чести». Погоны были настолько символом воинской чести, что Сталин понял: если их не вернуть — война проиграна. А ведь первоначально погон — это чисто функциональная деталь, всего только лацкан, чтобы не соскальзывал ремень ружья.

Фуражка — от слова «фураж», корм лошадей. Она даже первоначально называлась «фуражная шапка», то, в чем ухаживают за лошадьми. Сначала она была просто бескозырка, потом появилась с козырьком, причем только для офицеров, потом и у других появилась с козырьком. Это наша, русская разработка и по нормам патентного права мы могли бы требовать у французов за слово «коньяк», и со всех армий нам отчислять за то, что они носят фуражки — русское изобретение в одежде.

Или возьмем такую красивую деталь, как аксельбант, шнур с наконечником. Это символ адъютантского звания, в полку лейб-гренадеры при парадной форме все носили аксельбанты, это им было пожаловано как особый подарок Государя полку. А вообще это символ достоинства адъютанта: просто адъютанта, полкового адъютанта, адъютанта командующего, флигель-адъютанта, то есть адъютанта Его Величества, генерал-адъютанта, то есть генерала, который удостоен чести наивысшего адъютанта Его Величества. Откуда появился аксельбант? Тоже из практической надобности: адъютант должен записывать, так вот наконечники аксельбанта – это первоначально грифели, а петли — приспособления, чтобы опереть грифельную доску и записывать. Он превратился в символ и ту же раму, которая украшает воина. А украшать есть что.

— Я слышала, что многие офицеры принимали монашеский постриг? Как здесь соотносятся красота земная и небесная? Можно ли назвать такой шаг предельной мужественностью?

— Был такой офицер Генерального штаба в XIX веке — Булатович. Он был русским советником при выдающемся императоре Эфиопии Минелике II, получил очередное производство, стал подполковником генштаба. Это значит, что генералом будешь точно. Но он вместо этого ушел в русский Афонский Святого Пантелеимона монастырь. И вот когда его, уже старого, спросили в XX веке, как он себя чувствует, иеросхимонах Антоний ответил: «А я хоть сейчас готов в бой». Когда собеседник-мирянин смешался, тот говорит: — «Неужели вы не понимаете, что все самые благородные чувства человека проявляются именно в бою». А когда я посмотрел списки священников Афонского Пантелеимонова монастыря на конец XIX века, я был потрясен обилием офицеров, причем в священном сане и до схимы. А знаете, что такое быть на Афоне в священном сане? У нас любят рассказывать гусарские анекдоты про невероятные подвиги молодых русских офицеров с девицами. Афонские правила до сих пор запрещают рукополагать в священный сан, даже в иеродиакона, не девственника. Афонские правила непреложны, а я листаю этот список и вижу: иеросхимонах такой-то, в миру артиллерийский штабс-капитан такой-то, иеросхимонах такой-то, в миру гусарский поручик такой-то. Воинский подвиг — тоже схима своего рода, воинский подвиг — это самоотречение, они очень родственны.

Я был знаком с одним достойнейшим монахом и старцем, игуменом, а потом, перед смертью, архимандритом Жировицкого Успенского монастыря в Белоруссии — Игнатием. Он был очень бедным дворянином, и сумел все-таки только благодаря протекции поступить в кавалерийское училище. Закончил он свое обучение как раз к началу Первой мировой войны, прошел полный курс, был выпущен в армию кавалерийским офицером, сражался, видел разгром армии, убиение офицеров, пьяные солдатские бунты, большевистские провокации и террор. Естественно, ему было место в Белой армии, он оказался в кавалерийском полку дивизии генерала Дроздовского, одного из самых светлых героев Белого движения. И с дроздовцами прошел весь путь вплоть до эвакуации из Таврии в Константинополь. Дальше жил в Болгарии, потом его из Болгарии выслали, потому что его друг, с которым они вместе трудились грузчиками, убил болгарина-большевика за оскорбление русских женщин. Но настроения болгар в то время были настолько прорусскими, что друзей и под суд не отдали, а выслали. Он занимался индивидуальным террором против большевиков, потерял своего друга, оказался в Польше, в трагической ситуации ненужного человека. И совесть его мучила: зарезал многих — гнусных, но многих. И в один из приступов этого мучительного раскаяния пришел к воротам монастыря. Братия подобрала страдавшего человека, там он и остался. Потом его рукоположили, он говорил: «Владыка, ну как же, я людей убивал». На что премудрый епископ Пантелеимон сказал: «А ведь мы не твое прошлое рукополагаем, а твое будущее». Вот так сомкнулись воинский подвиг и монашеский. Потом всю войну он открывал храмы в Белоруссии, пять лет сидел в советском лагере, потом вернулся в свой монастырь, который больше никогда не покидал. Был духовником братии и очень любил ухаживать за цветами. Я знал, что он белый офицер, но биографии не знал, мне потом это было рассказано. Я много ездил в эту обитель, и вот как-то раз я был удостоен высочайшей чести: приглашен им выпить по кружке чая. И мы очень о многом говорили, не только душеполезном, но и историческом. Я по наитию спросил: «Отец Игнатий, а Вы не кавалерист?» И 80-летний старец ответил: «КАВАЛЕРИСТ!!!». Мой голос не может передать его интонацию, что после стольких лет монашества он был КАВАЛЕРИСТ. Мне это неудивительно. Надо понять всем, что наша христианская вера – это вера воинская. Слово «христианин» придумали в Антиохии, и христиане с тех пор носят имя, которое им дали враги. А до того они называли себя «верные», что сохранилось в наименовании Литургии Верных. А верность разве это не наивысший воинский долг, воинская добродетель? Красота христианская — это красота воинская, а красота воинская может быть красотой христианской.

> Мундир для военного — это рама, которой он достоин именно потому, что он сам по себе — картина

— Если вернуться к современной ситуации, что, на Ваш взгляд, происходит, и почему эта красота теряется?

— Я уже говорил, что мы жалеем солдатика, а не любуемся красавцем. Это началось давно. Я был на действительной военной службе, это был самый конец 60-х годов и это совсем не то, что сейчас, но красоты в этом уже не было. Офицеры практически не надевали парадный мундир. Ну какой парадный мундир летом в южном Казахстане!? Понятия чести полка, красоты военной формы уже были утрачены и не прививались нам…

— А связано ли это как-то с изменением кодекса чести?

Продолжение беседы с Владимиром Леонидовичем Махначом читайте в одном из ближайших номеров.

Сидим с девчонками

Сидим и спорим: что такое мужская красота? Перечисляем знакомых, друзей, известных актеров... Вспоминаем мнения разных умных людей... И выходят одни только вопросы: красивый мужчина – это какой мужчина? Нужна ли мужчине красота или это лишнее? Нужна ли мужчине красивая внешность? Или можно ограничиться только поступками? Что вообще такое — мужская красота?

Жесткий во всех отношениях

Год назад вся Москва была увешана щитами с социальной рекламой. Может, помните: «Есть такая профессия – Родину защищать», ну или как-то так. Там был изображен смазливенький мальчик с накрашенными губами. Это он-то олицетворял мужество… Да вообще в последние годы (а это говорят не только врачи из военкомата) мужское телосложение изменилось. Бедра стали шире, руки изящней… Эй, есть кто-нибудь, кому такие мальчики нравятся? Нет, ну я понимаю, серьга в ухе — это круто было у казаков (это был знак, что он единственный сын в семье, и так старались сохранить человека для родителей, поблажки делали), но сейчас разве говорит о чем-нибудь эта серьга? Да ни о чем. Сейчас она у всех! А когда молодой человек, с виду нормальный, гигиеническую помаду просит у подруги?..

> Мужчина все, как орел, видит сверху

Изнежились мужики! Чем больше мы, барышни, неправильно себя ведем, тем больше они нежатся. Мне вот, например, противно от женоподобных, просто ТОШНИТ!

Слава Богу, муж у меня – мужской идеал. В нем вот этой разнеженности нет ни капли. Это сталь, это орел, это… Никаких эмоций на лице (и мускул не дрогнет), совершенно четкое выполнение намеченного (без ссылок на обстоятельства). Вот я, женщина, все в момент разукрашу подробностями, потеряю суть дела, впаду во блажь и буду болтать без передыху. Мужчина же все, как орел, видит сверху. Видит панораму, говорит мало, думает много. Вообще, в широком смысле, для меня мужская красота — это мужской ум. Настолько он четко, логично работает! Настолько правильно. Только кроме ума руки должны быть золотыми. Что это за мужчина, который только управляет, который не умеет или, еще хуже, боится преодолеть маленькое препятствие сам? И как он будет управлять другими людьми?

> Красивый мужчина — обязательно сильная личность

Мой муж самый лучший.

Когда-то, когда я занималась спортом, чувствовала себя очень, очень сильной, (могла подтянуться больше, чем все мальчишки из класса), у меня вышел разговор с тренером. Ему тогда было около сорока, и он как-то, послушав наши девичьи разговоры, видно, его заинтересовавшие, начал разговор. Ну, в открытую он, конечно, не смеялся над нашими мечтами, но вещей, над которыми надо задуматься, сказал много. Очень много. А мне, потом как-то, добавил, что мужа найти будет сложно. Так и сказал: «У тебя требования слишком большие, а с годами они только будут возрастать и возрастать…» Я дня два ходила, обдумывала, а потом написала список качеств, которыми должен обладать мой избранник, он же идеал. Их было 68! Кроме стандартно приходящих в голову «умного, понимающего, терпеливого, честного, любящего» там были такие, как: «без белого живота (не люблю ленивых, зажиревших), с короткой стрижкой (длинные волосы считаю не мужским атрибутом, у мужчины все должно быть четко: и в голове, и на голове), был бы занудой (со мной только занудством справиться можно), любил бы решать задачи по математике (на худой конец, играть в шахматы), был бы жестким во всех отношениях, чтобы был лучше и духовно сильнее меня». Много чего написала.

Я такого нашла. Только во много раз лучше.

Александрина Маланина

Жизнь как песня

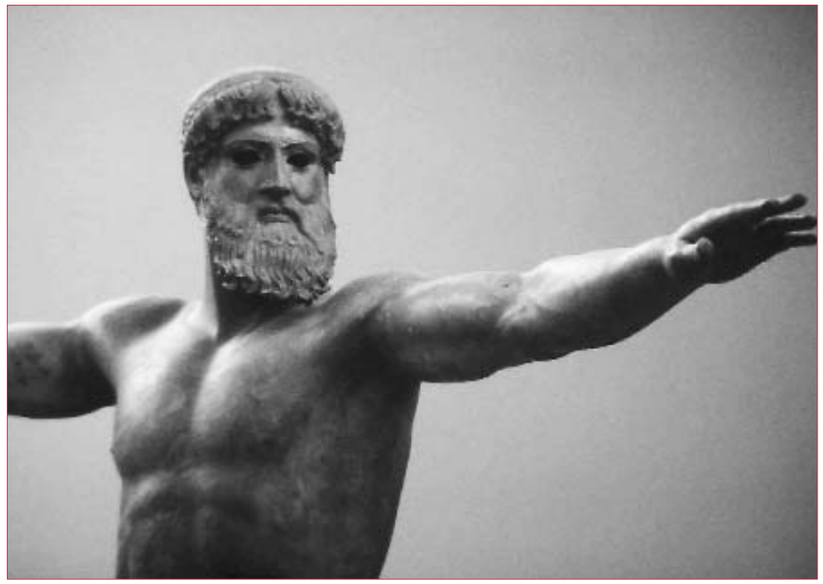
Я обращаю внимание только на красивых мужчин. На мужчин с красивыми глазами, с тонкими чертами лица, аристократическими манерами и длинными пальцами. На мужчин, которые умеют красиво говорить и способны мгновенно принять неординарное решение. На мужчин, которые умеют быть душой компании. На мужчин, от которых ни одна женщина не услышит грубости. На таких, во внешности и поведении которых нет ничего грубого, мужицкого. Красивый мужчина – это тот, чья жизнь похожа на песню, то есть в ней нет места низости, скандалам, недовольству жизнью, осуждению окружающих, измене, лжи, мелкому любопытству и мелочной скупости. Зато в ней есть место достойным поступкам, независимым суждениям, защите слабых и – не без этого – красивым жестам. Красивый мужчина запросто может быть беден, но бедность не угнетает его, он ищет денежную работу, но не в этом смысл его жизни. Красивый мужчина всегда ищет любимую работу, если работает на нелюбимой, хоть и хорошо оплачиваемой. Красивый мужчина – человек увлекающийся, человек, которому интересны окружающие люди и самые разные вещи и у которого горят глаза, потому что он в очередной раз о чем-то увлекательно, с жаром рассказывает. Красивый мужчина не может быть равнодушен и ленив; лень прячет глаза и делает лицо похожим на картофелину. Нет, он все время в действии. В красивом мужчине мало покоя, зато много силы. Красивый мужчина – обязательно сильная личность, он не отступает перед трудностями. На него можно положиться, он обязательно сдержит слово и поможет в трудную минуту. Красивый мужчина умеет дружить. Жизнь окружающих и любящих его он непроизвольно наполняет красотой, благородством.

Несбыточный идеал? Да нет, почему же? Я знаю таких, не одного и не двух. Это про них я здесь пишу. Их жизненная позиция активна, она состоит в том, чтобы в жизни совершать достойные поступки. Просто-напросто. Все остальное прилагается, кроме длинных пальцев, ну разве это важно?

А некрасивый мужчина… Ну, таких полно. Он зациклен на сексе, это так неэстетично. Он пристает ко всем симпатичным девушкам, особенно спьяну. С ним невозможно дружить, всякий интересный разговор с женщиной он предпочитает вести на сеновале. Это из-за таких, как он, женщины с отчаяньем решили, что достойные мужчины перевелись и что «все мужики – козлы». Будь он сколько угодно обходителен и галантен, но ты смотришь в его глаза и видишь, что они подернуты пеленой. Что он подает руку при выходе из автобуса, чтобы подержать тебя за руку, что ему дико интересно, как ты выглядишь без одежды, ну и так далее. И он относится так не только к тебе, а ко всему, что в юбке. И лицо у него похоже даже не на картофелину, а на… Смысл своей жизни он находит в наслаждениях. Ну куда такой годится? В мужья? В друзья? В хорошие знакомые? Да просто ему трудно, и он слаб, не хочет жить, и скатился в животное состояние, мне его очень жаль и очень хочется убежать подальше, потому что душевная лень заразна, а быть животным легче, чем быть человеком.

> В жизни красивого мужчины нет места низости, скандалам, измене, лжи...

Татьяна Алексеева

с посмотреть красивое кино светуем

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

СССР, Мосфильм, 1959, ч/б, 89 мин.
Режиссер:
Григорий Чухрай.
Авторы сценария:
Валентин Ежов,
Григорий Чухрай.
Операторы:
Владимир Николаев,
Эра Савельева.
В ролях:
Владимир Ивашов,
Жанна Прохоренко,
Антонина Максимова,
Николай Крючков,
Евгений Урбанский.

Этот фильм обязательно надо посмотреть тем, кто не любит «старое кино про войну». И не потому что он получил 101 международную премию (абсолютный рекорд отечественного кино), а потому что это фильм про любовь. Десятки персонажей на наших глазах преображаются после недолгой встречи с главным героем фильма, Алешей Скворцовым. В солдатской форме перед нами проходит свой недолгий путь настоящий русский подвижник, укрывающий смиренной любовью всех людей, весь мир. Григорию Чухраю удается сплести воедино военное и человеческое, личное и народное. А Владимир Ивашов и Жанна Прохоренко легко доказывают зрителям, что подлинные целомудрие и кротость — это очень красиво, и совсем не скучно.

Подробнее:
http://www.tvkultura.ru/news_print.html?id=9500&cid=1484
http://www.ivanovo.ac.ru/iv-wis/ballada.htm

с посмотреть красивое кино светуем

КУКЛЫ

Япония, 2002, 113 мин.
Режиссер:
Такеши Китано
По мотивам пьес
Монзаемона Шикаматсу
Оператор:
Катсуми Янагидзима
В ролях:
Михо Канно,
Хидетоши Нишидзима,
Татсуя Михаши

Парень и девушка, связанные длинной красной веревкой, молча идут по красной кленовой аллее. Япония, которая кажется нам символом перенаселенности и прогресса, выглядит в этом фильме каким-то давно заброшенным царством, где счастливы только влюбленные. Но ради любви к ближнему иногда нужно пожертвовать своей жизнью. Жертва эта тем более трудна, что она не подразумевает скорой и легкой смерти. Напротив, всем героям фильма, выбравшим любовь, предстоит пройти еще множество страданий, которые, как это ни удивительно, сделают их еще красивей и беззащитней. «Я мог бы объяснить, что именно обозначает каждый образ фильма, — пишет Китано. — Но мне важно не объяснять ничего. Если, когда вы будете смотреть “Кукол”, вам в голову придет только одна мысль: “О, какие прекрасные картинки!”— я буду абсолютно счастлив».

Подробнее:
http://www.arthouse.ru/movie.asp?Code=DOLLS
http://office-kitano.co.jp/dolls/

Иван Лопатин

Имя твое АЛЕКСЕЙ

Автор:
Людмила Воронина

Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность.

Священник
Павел Флоренский

Долг ОСТАТЬСЯ

Моему отцу

Когда рождаются дети, первое, чем бывают озабочены родители (конечно, кроме коляски, распашонок и насущных памперсов), – это выбором имени.

Если у неверующих людей этот выбор широк и охватывает все континенты и страны, то есть от Ванечек и Машенек до Анжел и Артуров, то у православных именной круг сужается. Мужественно подчиняя свои вкусы святцам, они выбирают из списка имен тех святых, день памяти которых приходится на день рождения или около него. И, пожалуй, это единственный момент в жизни, когда мы серьезно задумываемся над значением имени своего чада. Потом мы привыкаем к нему, переделываем на свой лад, в зависимости от настроения, или в ласкательную форму, или в форму сурового окрика.

И все-таки по жизни, наверное, у каждого найдется одно-единственное, сокровенное, как магический талисман, имя, глубоко запавшее в душу.

Такое имя есть и у меня.

Алексей, Алеша, Алешенька…

С детства оно было для меня целым миром – миром добра, ласки, надежной опоры, защиты. Так звали моего отца.

Он был не просто отцом в самом ответственном и высоком назначении этого понятия, но по болезни матери заменял нам с сестрой и ее. Какими только вопросами нашей девичьей жизни не приходилось ему заниматься: он помогал нам в уроках, решал проблему износившихся юбочек и кофточек, ломал голову над «упавшим» гемоглобином при болезнях. Именно ему, отцу, пришлось вникать во все подробности патологии беременности при ожидании первого внука: сопереживать моим слезам, успокаивать и ненавязчиво призывать к мужеству.

Генерал-лейтенант войск ПВО, который стоял у истоков зарождения радиотехнических войск страны, он был человеком огромного жизненного мужества, необычайной требовательности к себе и сострадания к людям.

> Что значит быть человеком Божиим?

Какие качества его остались у меня в памяти?

Вот он как командир части переживает за распадающуюся семью офицера и старается примирить враждующих.

Вот простая и нежная фраза о своей жене: «На банкете все женщины были накрашены, а наша мамочка – без косметики, а лучше всех!»

Какой-то старый вахтер из татар стоит у закрытых ворот. Отец всего несколько фраз знает по-татарски, а скажет их, как лучшему другу, и человек расцветает.

«Солдат-шофер давно ждет, надо его покормить».

Вот и моя трудная беременность: надо пять месяцев пролежать в больнице, дотянуть хотя бы до 32-х неделек, когда уже есть надежда, что родившийся ребенок останется жить. И какой опорой были мне его письма: «Доченька, милая, ты представь себе: подошла к очень высокой лестнице, в 38 ступенек-неделек. Поднялась на 32 ступени, остановилась, дух перевела, взглянула наверх и видишь: ух, немного осталось, как-нибудь осилю! И на душе сразу спокойнее». Или такой «встряхивающий» ответ на мои жалобы: «Дочь, я почему-то считаю, что лучше всех тебя понимаю. Ты пишешь о болях, я пишу тоже о них, только по сердцу. Редкий день, когда у меня по дороге на работу и с работы не давит грудь. Передать ее трудно, недаром ее называют «грудная жаба». Иной раз думаешь, не конец ли? А разве кто из семьи знает об этом? Да и зачем, ведь это только демобилизует мои силы. Я терплю – терпи и ты».

Уже придя к вере, наблюдая жизнь и труд священников, я часто проводила аналогию между их готовностью по первому зову идти к страждущему и боевой готовностью военнослужащего стоять навытяжку в течение всей жизни — вот, пожалуй, главная объединяющая черта этих двух таких разных призваний.

Радостным для меня было и мое маленькое открытие: мне кажется, что в среде достойных верующих чаще всего встречаются два имени — Сергей и Алексей.

С детства, еще не имея понятия о вере, я уже знала, что Алексей – это человек Божий. Так все время говорил мне отец, особенно в день своего рождения, 30 марта. Это уже потом я узнала, что его мать, а моя бабушка, была глубоко верующей и назвала его именем великого святого, память которого приходится на этот день. Был ли сам отец верующим человеком? Как сейчас понимаю – да. Мама рассказывала, что среди бесчисленных командировок и семейных забот он находил время и рано-рано утром, чтобы никто не знал, даже мы, дочери, уезжал в Троице-Сергиеву лавру. Молился дома по-своему, перед сном, лежа уже в кровати, когда думал, что все заснули. Удивительно по тем временам, но они с мамой были обвенчаны! Он был партийным человеком, но думается мне, что и устав Коммунистической партии он понимал как призыв к честности и справедливости без всякого лицемерия и компромисса.

> С детства это имя было для меня целым миром

Отец рано ушел из жизни, в 57 лет, когда внуку его исполнился один годик. В самые сокровенные минуты, от очень большой любви, я называла его просто Алешей. Он был для нас настолько всем и во всем, что из-за своего эгоизма юности мы мало задумывались над тем, как сильно и непоправимо он болен. Только однажды он предложил мне: «Доченька, хочешь послушать, как работает мое сердце?» Приснив ухо к его груди, я с ужасом услышала скрежет и хлюпанье ржавого механизма. Никто об этом не знал, настолько он был радостен и энергичен в жизни, был душой любой компании, любил петь песни, как ребенок, радовался пойманной рыбке и очень любил землю вместе со всем, что встречается на ней.

Когда перед присвоением очередного звания пошли совершенно нелепые анонимки, он знал, что писал их его подчиненный, но никаких мер не принял. На партийном же собрании сказал: «Я пред совестью и людьми честен и оправдываться не буду». Только дома он разложил все свои награды и спросил в пустоту: «За что?» И все-таки он оправдался! Оправдался самим делом!

Никогда он так много и плодотворно не работал, как в этот последний год. Выговор сняли за месяц до его смерти.

Понимая, что он стоит на пороге своего ухода из жизни, я умоляла его: «Алеша, давай все уедем жить на природу. Я слышала, что люди после инфарктов на земле поправляются».

«Нет, доченька. Я очень люблю реку, лес, но без службы я не смогу. Это мой долг, это моя жизнь».

Это было его высшее мужество – остаться верным долгу до самой смерти.

Так день 30 марта стал для меня днем памяти моего отца как Алексея, человека Божия. И можно представить, что происходило с моей душой, когда незадолго до этой даты я узнала, что к нам в Новоспасский монастырь из Греции привезут мощи – честную главу преподобного Алексия, человека Божия! На молебне перед мощами для меня соединились в одно целое две дорогие для меня личности, и я плакала и от радости встречи, и от возможности ему, святому, и одновременно моему отцу, рассказать все накопившееся за столько лет жизни без него.

Долг УЙТИ

Алексий, человек Божий

Когда вчитываешься в жизнеописание этого удивительного святого, благоговейные мысли невольно притормаживаются в поворотном моменте его судьбы и превращаются в череду недоуменных вопросов: что же руководило им в принятом решении уйти от престарелых родителей, для которых он был единственным, вымоленным ребенком – светом в окошке? А главное – как увязать с благочестивой правильностью жизни во Христе его уход от обрученной ему невесты в день, когда она должна была стать его женой? Почему не ушел раньше? Почему дотянул до последнего дня?

> И тогда оставался один-единственный выход – отказаться от самого себя

Пытаясь хоть немного приблизиться к пониманию тех сокровенных мотивов, которыми руководствовался праведный Алексий, попробуем (конечно, в меру своих сил) поразмыслить, что значит быть человеком Божиим?

Самое несомненное, что чувствует душа, сталкиваясь с этим понятием, – то, что это есть Высший Призыв! Направляя, он звучит в течение всей жизни человека, но только подведя своего избранника к решающему шагу, к переломной черте жизни, обрушивает на него ту степень набатной мощи, которая и заставляет его уже не двоиться, не раздумывать, а отбросить все немаловажное перед самым важным.

Поэтому более глубокое осмысление, которое включает в себя и элемент самопожертвования, подводит нас к следующему определению: быть человеком Божиим значит объединить в себе всецелый отклик человеческого естества – души и тела – с силами, подаваемыми через Сам Призыв.

Зов Божий, трубный Глас! Он поднимает, мобилизует душу, подает ей силы на подвиг! Для человека это – момент высшего напряжения, так как душа чувствует, что, как бы требователен ни был призыв, за ней остается свободное решение: принять – или отступить.

Редко и для сильных духом Господь дает почти непреодолимое испытание – это выбрать между Ним и любимым человеком безраздельно. Быть может, так было и у праведного Алексия. Понимая всю свою человеческую немощь в подобном выборе и одновременно пребывая в надежде на вмешательство Божия Промысла, он «тянет» до конца, до последнего решающего момента.

И когда после совершившегося брака он остается наедине со своей нареченной, то вдруг понимает, что Зов уже прозвучал и силы даны, но решения за него не будет! Господь ждет шага от него, его свободного выбора.

Уйти – это принести горе тем, кто тебя любит и кого любишь ты дарованною тебе Господом полнотою. Остаться – это значит, что большая часть тебя должна принадлежать семье, заботе о ней. Но для человека Божия это немыслимо!

В среде верующих иногда возникают споры о том, кого надлежит полюбить первым: людей, а потом эта любовь должна вырасти до любви к Богу, или же все силы отдать на приобретение любви ко Господу, и исходя из нее будет легче возлюбить ближних.

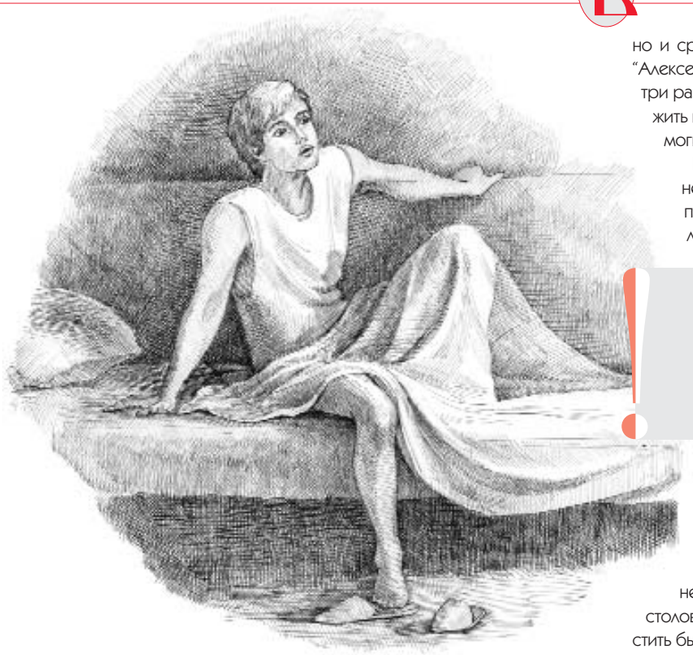
В нашей обиходной жизни мы обычно не концентрируем свое внимание на этом разделении. Чаще всего получается некое чередование приложения наших усилий: вот я в храме или на молитве – это любовь ко Господу, а дома или в другой обстановке, если удается быть просто нормальным человеком (спокойным, доброжелательным), то мы уже думаем, что любим ближних.

Но вот со временем у нас появляется свой, личный, а потому и непоколебимый опыт веры, в котором две эти главные направляющие работы души, объединяясь, неожиданно преобразуются в совсем иную, новую форму любви – любви как отказа от себя. И только исходя из этого понимания, можно, не разрываясь, быть верным двум наивысшим евангельским заповедям: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (Лк. 10, 27) и «нет выше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Немыслимо было для Алексия, человека Божия, не принадлежать Господу всецело. И тогда оставался один-единственный выход – отказаться от самого себя: не просто уйти и забыть свое имя, а отказаться почти от всех потребностей человеческой природы, от всякого человеческого достоинства, добровольно быть презираемым и попираемым всеми.

Нищета и долгие годы лишения изменили его внешность, и это позволило ему неузнанным жить рядом со своими близкими. Он был скорбным свидетелем горя отца, слышал рыдания матери и жены, которые в память о нем несли подвиг затворничества. И, наверное, чем больше были его сердечные муки при виде страданий родных, тем горячее была молитва, тем суровее были телесные и духовные подвиги.

Уйдя, он все-таки остался верен любви ко всем. В Господе он примирился и соединился с теми, кого в свое время должен был оставить.

А жизнь у человека ОДНА

История наших дней

Слово Божие, призыв Божий – как властен он, как проникает во все «составы», во все клеточки души и тела человека!

Пишу эти слова не из-за своего дилетантского богословского мудрования, а как преддверие к повествованию истории уже наших дней. Быть может, этот удивительный случай, произошедший со знакомыми мне людьми, лучше всего подведет итог моим размышлениям о Промысле Божием и об имени Алексей, о долге остаться и долге уйти. Имя главного лица в тексте оставлено настоящим, остальные имена в силу недавности событий изменены.

Молодого человека, который всегда был душой компании, звали Алексей. И если дочь моей знакомой, Анечка, была из семьи глубоко верующей, то Алеша о вере имел самое смутное представление. Он был непревзойденным лидером: красивый, с крепкой фигурой и щеголеватой походкой бывалого моряка, которую часто перенимают молодые люди приморских городков.

Анечка понравилась ему сразу, глубоко и всерьез. А девушку, которая только оканчивала 10-й класс, эти чувства застали врасплох: с одной стороны, ей нравились ухаживания молодого человека, с другой – она не была еще готова к серьезным отношениям. Алеша стал бывать у них в доме. Хлебосольная и общительная мама Надя нашла подход к его душе и время от времени заговаривала с ним о вере.

Как-то, зайдя за Анечкой и не застав ее дома, Алексей решил подождать девушку. Вот в этот вечер и состоялся долгий доверительный разговор Надежды с ним. По-простому, но очень горячо говорила она ему о вере, о Боге. Алексей слушал молча, потом, не дождавшись Анечки, ушел.

Прошло три дня; Алексей не показывался. Пришел он на четвертый день со словами: «Тетя Надя, я к вам, пусть только Анечка не знает!»

Моя знакомая с беспокойством оглядела его: он был необычно серьезен, бледен, взволнован. Слова его поразили ее.

«Тетя Надя, у вас духовник – владыка, умоляю вас, прямо сейчас, отсюда отправьте меня в монастырь! Мне нельзя возвращаться домой, мне нельзя ждать, у меня может потом не хватить сил! Вы помните тот вечер, когда говорили мне о Господе? Я вернулся домой поздно и сразу лег спать. Проснулся я от голоса, который звал меня: "Алексей, Алексей… А ведь жизнь у человека одна!" Так повторилось три раза! Тетя Надя, я знаю, это был Господь, и я теперь уже не могу жить по-прежнему, я стал другим за эту ночь! Очень прошу вас, помогите мне уехать в монастырь».

Глядя на потрясенного юношу, Надежда поняла, что медлить нельзя. И она позвонила! Вечером она уже провожала его на поезд, на прощанье дав ему иконку Петра и Павла, которая была с собой.

> Теперь я уже не могу жить по-прежнему, я стал другим за эту ночь!

Когда через некоторое время, видя обеспокоенность и слезы дочери, мать рассказала ей о происшедшем, то в ответ услышала только вскрик: «Мама, что ты наделала!»

Прошло месяца три, когда Надежда позвонила в монастырь. Ей ответили, что послушника с именем Алексий уже нет, а есть монах, носящий имя одного из первоверховных апостолов. А еще через непродолжительное время она решилась навестить бывшего Алексея. Пред нею предстал худощавый иеромонах, с каким-то уже неземным взглядом. Он был немногословен, в основном слушал. На прощанье же сказал: «Тетя Надя, Господь так милостив, Он так нас любит! Берегите Анечку, я буду молиться о ней и о вас».

Фото Светланы Филимоновой

АЛЕНА

Автор:
Наталья ЗЫРЯНОВА

Впервый раз я увидела ее поднимающейся по лестнице в свою мастерскую. Длинный шарф зацепился внизу за перила, она легко исправила это, откинула шарф назад и улыбнулась игриво:

— Я — как Айседора Дункан.

Про себя я подумала: «Да, пожалуй. Красивой женщине все как-то легко дается, она не живет, а танцует».

Нас познакомили:

— Это Алена, наш архитектор.

Потом мы познакомились ближе, Алена водила нас по тихому старинному городу, в котором мы были гостями. О каждом храме рассказывала как о родном, историю города – как будто лично переживая ее всю, – то радуясь, то огорчаясь. Голос ее то опускался в густые, важные ноты, то становился звонким, как у ребенка. Я наслаждалась встречей и радостью, лившейся из этих немного цыганских черных сверкающих глаз.

Я приезжала сюда снова и снова и почти каждый раз встречалась с Аленой. У нас было общее дело, мы были им очень увлечены. Алена снова водила по городу, рассказывала и знакомила с теми, с кем мне предстояло потом вместе работать. И вот однажды она рассказала историю, которая меня потрясла. Это была ее история.

Муж ее (тоже архитектор), человек большой и красивый, несколько лет назад вдруг оказался прикован к постели – его разбил паралич. Что только не делали, чтобы ему помочь! Даже экстрасенса приглашали. Не помогло. Через боль, на грани отчаяния пришли к вере. Видимо, это и укрепило его дух, и породило невероятную волю, усилием которой он заставил свое непослушное тело сменить положение, – он сел. Мы не знаем, какого труда и пота это ему стоило, но это случилось. Теперь можно было работать. И он работал. По его первому после болезни проекту была построена часовня, потом – ограда полуразрушенного монастыря, а недавно восстановлен огромный собор, уничтоженный при советской власти. Мы восхищались его силой воли и мастерством, а он не мог даже взглянуть на плоды своего труда. Разве только на фотографиях…

Когда мы встретились в следующий раз, Алена была уже за рулем. Она весело сообщила, что нельзя же мужу совсем не видеть того, что строится по его проектам, да и в озере искупаться в летний зной будет для него не лишним. Я не решилась ее расспрашивать, но, думаю, эта машина (хотя и не новая) далась Алене непросто. Над зарплатами в ее учреждении, как говорится, можно было бы плакать, если б уже не смеялись.

Впрочем, тем для обсуждения у нас было много. Редко встретишь человека, так живо интересующегося чужими проектами, не имеющими к нему личного отношения. Алена интересовалась всегда: «Ну, ребята, что там у вас новенького?» И тут же находила какие-то точки пересечения с тем, что ей самой дорого. А дорог ей, похоже, весь окружающий мир с его руинами, стертыми фресками, заросшими садами и брошенными детьми. «Знаете, тут у нас есть одна старинная усадьба, совершенно удивительная, вот бы там детский лагерь провести… Может, сделаем?» И мы почему-то ехали за тридевять земель в эту усадьбу и хотели что-то для нее сделать – наверное, во многом потому, что этого очень хотела Алена. А рядом с ней просто стыдно и нелепо не хотеть кому-нибудь в чем-нибудь помочь.

Она занималась школьными лагерями несколько лет, пока на это можно было собрать хоть какие-то средства. Добывала деньги в городской администрации, разрабатывала проекты, искала спонсоров, кстати, даже среди своих хороших знакомых (что многие стесняются делать – у чужих просить проще). Но она просила не для себя. И это знали, и потому получалось. Как-то со смехом она рассказала, как с миру по нитке собирали на очередной лагерь. Перебрав потенциальных спонсоров, она отправилась к знакомому начальнику охотбазы, который к моменту ее прибытия был увлечен рыбалкой и ни за что не хотел причаливать к берегу. Выслушав ее просьбу, он через пол-озера крикнул: «Там в домике мои джинсы, все, что найдешь в карманах, – забирай!» Так бюджет лагеря обогатился еще двумя тысячами рублей.

Наверное, можно было бы подумать, что бурная общественная жизнь, увлеченность работой – просто бегство от домашних проблем. Но я знаю, что это не так. Потому что так же рьяно и вдохновенно Алена решает и эти самые (казалось бы, не по ее хрупким плечам) проблемы. Каким-то чудом ей удалось добыть путевку в реабилитационный центр для инвалидов-колясочников в Германии. Они с мужем ездили туда даже дважды. Она рассказывала о поездке, и мы слышали знакомые радостно-горькие перепады в голосе:

– Как же там помогают! Там людей учат заново приспосабливаться к жизни, быть полностью самостоятельными и даже заниматься спортом. А у нас в городе столько инвалидов! И они ведь лишены малейших возможностей!

А сколько им с мужем пришлось провести в больницах! Я однажды застала Алену по мобильнику в областной больнице, она сказала, что пробудут здесь еще две недели. А сколько они уже там пробыли?

Я только раз видела ее усталой. Когда знакомая нежно-радостная улыбка слетала с ее лица, глаза заполняли грусть и какая-то затаенная боль. Но это была все та же Алена – радушная хозяйка-хлопотунья, увлеченная чужими проектами.

Теперь у них с мужем уже своя фирма, в которой помимо собственно архитекторов есть еще коллектив рабочих, воплощающих в жизнь проекты. А еще они строят дом. Потому что дети подросли, а еще потому, что на третий этаж в коляске не очень-то заберешься – а ведь теперь надо каждый день ходить на работу!

Я не называю ни города, в котором живет Алена, ни имени мужа, ни их фамилии. Потому что от интервью они несколько раз наотрез отказывались, ссылаясь на то, что их жизнь – обычная история и вряд ли может служить кому-то примером. Но я думаю по-другому, и потому не могу уже не писать, хотя крепилась несколько лет. Впрочем, о них и так уже многие знают – света не утаишь.

Дорогая редакция! Хочу высказать свое мнение по поводу того, почему женщины пользуются косметикой и для чего. На мой взгляд, нарисованный на лице образ создает новую женщину с нужными деловыми или какими-то иными качествами.

И косметика для женщин выполняет ту же функцию ски, за которой прячутся обаятельные девушки, играющие роль неприступных деловых дам. На одном собеседовании меня спросили, принципиально ли то, что я не пользуюсь макияжем. Я ответила: «В общем-то нет, а что?» Мне очень деликатно ответили: «У нас в компании принят презентабельный вид». То есть, надо понимать, более официальный.

Однако когда я работала преподавателем английского языка в языковой школе, один из малочисленных педагогов мужского пола, заходя в учительскую, спросил: «Why are you drowing some unfamiliar woman on your face?» – что в переводе означает: «Зачем ты рисуешь какую-то незнакомую женщину у себя на лице?» В то время как в женском кругу в учительской ходила шутка: «Ну как, ты успела подготовиться к уроку?» – «Да, да, уже ресницы докрашиваю».

Получается, что мужчинам не нужна косметика на лице женщины, но без макияжа никак нельзя общаться с малознакомыми людьми, только с близкими. И выходит, что накрашенные девушки крайне целомудренны, скрывая свое истинное лицо.

Надежда, г. Москва

«Ты рисуешь незнакомую женщину...»

Автор: **Надежда Политковская**

Вы берете березовый уголок...

Письмо Надежды мы попросили прокомментировать Надежду Валентиновну Политковскую, сотрудницу экскурсионно-художественного отдела Государственного музея-заповедника «Коломенское», которая в одном из предыдущих номеров подробно рассказывала нашим читателям, как выглядели женщины русского Средневековья, и постоянного корреспондента нашего журнала Федора Максимова.

Как ни странно, в допетровской Руси косметикой пользовались, возможно, даже больше, чем сейчас. Только функции у нее были совершенно другие. Современная женщина использует косметику, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность. Тогда же было ровно наоборот: за косметикой надо было спрятаться. Смысл тот же, что и у многослойной одежды. Даже после того, как женщина наденет все семь слоев, покроет волосы, на руки наденет в большом количестве перстни и браслеты, лицо у нее останется незащищенным. Вот здесь и оказывалась нужной косметика. И чем меньше вас будет видно, тем для вас же и лучше: никто вашей красоте не позавидует, не захочет вас сглазить, навести порчу – к этим вещам относились крайне серьезно и всячески от них оберегались.

Сама косметика выглядела следующим образом. Сначала наносился толстый-толстый слой белил. Они готовились из мела и гусиного жира, то есть это была практически штукатурка, которой забеливались. Вспоминайте сказки, вспоминайте песни – там везде красавица белая и румяная. Это не образное выражение, а вполне конкретная вещь: по этой белой штукатурке красавица себя расписывала – получалась она у нас писаная. Губы, щеки красились в ярко-красный или ярко-малиновый цвет; все это или с кирпичными составляющими, или свекольными, или другими яркими естественными красителями, то есть никаких привычных для нас пастельных полутонов, о них в те времена вообще не думали. Считалось, что краски должны быть только яркими, очень конкретными: не розовый, а красный, не салатовый, а зеленый изумрудный, не бледно-желтый, а золотой. Человек бледный когда? Когда он болен, когда он мало бывает на воздухе, когда с ним что-то нехорошо. Если человек здоровый, у него должен быть свой яркий румянец. К краскам такое же отношение. Поэтому по белому наводятся ярко-красные румяна и губы. Брови чернят: тоже помните прекрасно «соболиные брови», которые везде описываются. Но самое потрясающее – это как красили глаза. Это то, что называется «вам и не снилось». Чтобы красиво накрасить глаза по-древнерусски, вы берете березовый уголек от прогоревшего в печке полена, растираете его в порошок, потом оттягиваете себе нижнее веко и не на внешнюю, а на внутреннюю сторону наносите угольную пыль, то есть совсем с другой стороны глаз красится. Ощущения, наверное, особенно в первый раз, не самые приятные. Но, опять же, это все дело привычки. Немножко проморгаетесь, зато потом у вас прямо на глазном яблоке остается такой потрясающий черный ореол. Это то, что считалось красивым. Так уже можно было и в люди выходить. Напоминаю, если вы всего этого не сделаете: семь слоев одежды не наденете, голову не покроете, лицо не накрасите,— вас просто никто из дома не выпустит, потому что без какой-либо одной составляющей вид будет совершенно недопустимый. Все это строжайшим образом соблюдалось.

Автор: **Федор Максимов**

Это — лишь первый шаг

Немного про презентабельный вид. Понятное дело, вечерний макияж для клуба и макияж для работы в современном офисе — не совсем одно и то же. Но смысл макияжа от этого не меняется: сделать женщину более красивой, то есть желанной. Однако на отдыхе этот смысл прямой – глубокое декольте и блестящие влажные губы, слегка опьяняющий запах, соответствующая манера движений, тембр голоса и т. д. На работе же это все — слегка, чтобы не мешало работать. Некая визитная карточка, знак принадлежности к определенному сообществу и его нравственным законам, а вовсе не желание быть незаметной. Как обручальное кольцо на пальце говорит всем: «Я другому отдана и буду век ему верна»,— так «презентабельный вид» сигнализирует о том, что «мы с тобой одной крови». Кстати, внешний вид – лишь первый шаг. Если хочешь быть на хорошем счету, нельзя пропускать ни одно корпоративное мероприятие.

Как-то раз я зашел в банк внести ежемесячную плату по кредиту вместе с сыном-дошкольником (проезжали мимо). К нам сразу подошли охранники и поинтересовались, не ошиблись ли мы дверью. В банк с маленькими детьми не ходят.

> Выходит, что накрашенные девушки крайне целомудренны, скрывая свое истинное лицо?

А на корпоративную вечеринку и краситься придется, и вести себя надо будет соответственно. Тоже чтобы не выделяться.

Красивые женщины, одетые в красивую одежду, ездят на красивых машинах. Они ходят по дорогим магазинам, живут в красивых домах, ходят в рестораны с богатыми мужчинами. Делают красивые прически, носят красивые дорогие украшения. В общем, живут красиво! Богатые мужчины носят дорогие костюмы, покупают дорогие часы, ездят в дорогих автомобилях, их женщины обходятся им недешево. Им необходимо иметь все самое лучшее, они могут позволить себе иметь красивую жену. Красивые женщины и богатые мужчины должны быть вместе. Им друг без друга просто никак нельзя. Женщинам нужны деньги, чтобы красиво выглядеть. Но чтобы привлечь деньги, они для начала должны выглядеть красиво. Возникает небольшая загвоздка, которая, впрочем, решается любыми приемлемыми и не очень способами.

Зачем красивой женщине богатый мужчина? Для самоутверждения. Значит, она красива, нужна, пользуется популярностью, имеет власть, может не работать, как простые смертные. У нее другая работа, другая карьера. Стать женой наиболее богатого человека (можно и олигарха) — ее вершина. Ее красота – товар, который можно продать, как на аукционе, по наиболее высокой цене. Для этого, правда, необходимы определенные навыки, таланты, способности, везение и, конечно, определенный ум. Нужна железная хватка, чтобы не упустить подходящую кандидатуру, и трезвый ум, чтобы вести свою игру, а не стать игрушкой в чужих руках.

Для чего богатым мужчинам нужны красивые женщины? Во-первых, они нужны, чтобы украшать их, удовлетворять их самолюбие. Мужчина должен иметь деньги, чтобы привлечь этих женщин, а затем поддерживать их красоту (дорогие вещи, косметика, салоны красоты, пластические операции). Мужчина должен быть богат, чтобы управлять, манипулировать красивой женщиной. Пока есть деньги, женщина будет милой, нежной и выполнит любое желание. Деньги дают свободу. Если вдруг одна женщина надоест, можно ее заменить на другую, более молодую и красивую.

Итак, все довольны. Женщины получают деньги. Мужчины получают женщин. Игра шла, идет и будет продолжаться. Но в любой игре победитель может оказаться проигравшим. Проигрывает тот, от кого вдруг отворачивается удача, тот, кто теряет: женщины – свой товар (красоту), мужчины – деньги. Для них иллюзия рушится, игра заканчивается. Никому не нужны женщины, потерявшие красоту, и мужчины, оставшиеся без денег.

Виктория Рыженко

Юбочки... это отдельная тема

Существует ли «православная мода»?

Одной – быть или не быть? Модные веяния требуют заменять (или хотя бы обновлять) свой гардероб каждый (!) сезон. Сегодня покупать одежду, с одной стороны, гораздо проще, чем, скажем, в советские времена, – огромное количество магазинов и магазинчиков, ежесезонные распродажи; с другой стороны, гораздо трудней – огромное количество магазинов (и магазинчиков), ежесезонные распродажи, опять-таки...

Автор:
Елена Котовская*

Ох уж эти распродажи! Вот гуляешь себе с коляской вдоль пыльного шоссе, а в лицо тебе режет реклама: в «Спортмастере» скидки – 50 процентов. Тут же начинаешь соображать: «Спортмастер», проценты… Вроде бы сноубордингом не занимаюсь, к горным лыжам ничего, кроме отвращения, не испытываю. Незачем вроде бежать. «А как же курточки, — услужливо подсказывает внутренний голос, — тепленькие такие, и ботиночки, с ребеночком в холодок гулять?» Ботиночки… тепленькие… ребеночек… Бежать! Срочно, пока все не распродали. Денег нет – занять! 50 процентов не каждый день! А вдруг еще юбочки тепленькие пошили: в холода, с ребеночком…

Юбочки… Это отдельная и очень болезненная для многих православных дам тема. Носить или не носить? То есть в церковь – понятно. А вот всегда, вместо брюк? Всегда-всегда? Единого мнения у наших пастырей нет: мне приходилось сталкиваться и с жесткой позицией, и со снисходительной, какую выбрать – это уже дело совести. Моя вот мне настойчиво что-то давно уже советует, но внутренний голос ее еще настойчивее глушит: «Ну как же всегда в юбках? А холодно? А непрактично? А глупо, в конце концов (и выглядишь в юбке, как клуша!)». Последняя аргументация особенно убийственна. Сегодня, когда повально все дамы ходят в штанах, а тетенькам 30-40-50-ти и т. д. лет предписано быть похожими на подростков, тотальное ношение юбок сродни исповедничеству.

Ведь как удобно в брюках: надел – и растворился в толпе, и незаметен (а если хочешь немножко «позаметничать», всегда можно легко добавить изюминок). Не то с юбками. Волей-неволей замечают (чего это она вырядилась?). Уж и подбираешь что-нибудь «поподходящей», скажем, к спортивной куртке, к которой привыкла, уж и «маскируешься», ан нет, все бьет в глаза!

Да и подбирать, откровенно признаться, все труднее и труднее. Длинных приличных (и стильных!) юбок почти нигде нет (конечно, все магазины протраливать у меня времени нет, да и неохота, но вряд ли я ошибаюсь). Нет, встречается порой нечто эдакое, в рюшах, кружевах, шнуровках, стразах и прочем (редко, но и в церкви порой можно увидеть это вызывающее всеобщее недоумение диво), но это уже явный перебор. Знаете, где можно купить весьма добротную длинную и качественную (и стильную!) юбку? В магазине для будущих мам! Правда, размерчики…

Молодым, особенно студенткам, еще ничего: к ним общественное мнение более снисходительно – можно, наверное, иногда и в брючках на лекции побегать. А вот что делать, когда студентка побегала-побегала, да и замуж вышла? Что она будет делать, если она православная? Правильно – детей рожать. В идеале – сколько Бог даст (то есть много). Вот тут и возникает новая проблема (по крайней мере, с первыми детьми; когда их очень много, наверное, уже ничего не возникает) – куда все это носить? Не секрет, что пока дети маленькие, ходить кроме двора особенно некуда. Зато уж в те нечастые выходы «в свет»: в церковь, в магазин, в поликлинику, в цирк «со старшеньким», а если уж очень повезет, то и в гости – так и хочется надеть на себя все самое-самое, разумеется, не бальное, а строго подходящее к случаю, а так как случаи разнообразны, а мода ежесезонно обновляется…

Ох, бедные мы бедные. Вот тут и возникает вопрос: покупать или не покупать? Вроде бы совесть ясно подсказывает, какое количество вполне добротных тряпок покоится у тебя в шкафу, а покупать все новые и новые – это, между прочим, грех мшелоимства, и не только. Да вот ведь распродажи, и мода. Я вот, например, всегда мучаюсь, когда покупаю себе новую вещь. Сказала мужу: «Что, не покупать, что-ли?» Муж у меня добрый, вздохнул: «Покупай, но мучайся». Вот и мучаюсь, мучаюсь…

Конечно, хорошо быть вне моды, но одеваться красиво. Но для этого надо быть стойкой духом. И уметь шить. Вообще, судя по последним тенденциям моды, становящейся все похабнее и похабнее, все унисекснее и унисекснее, это умение, похоже, скоро станет совсем не лишним. В мире моды победоносно набирает обороты эстетика безобразного (посмотрите модные журналы с их «падшими ангелами» и умилительно-чернотным макияжем). Так что, похоже, скоро всем православным дамам придется записываться на курсы кройки и шитья, чтобы хотя бы выглядеть «православными».

Кстати, на вопрос, существует ли «православная мода», я бы однозначно ответила: нет (по-моему, это очевидно, как не может быть «православного дизайна интерьера», «православного салона автомобиля» и прочего достояния «скромного обаяния буржуазии»). Буржуазность и Православие малосовместимы, а ведь мода – одно из порождений буржуазной эпохи. Но носить что-то надо – не голой же ходить! Вот и приходится пользоваться – как пользуемся же мы Интернетом, автомобилями и телевизорами, в конце концов! Важно только понимать, чем пользуешься, и стараться не служить этому (ох!) столь близкому девичьему сердцу идолу.

Елена Котовская *

Историк,
жительница Москвы XXI века

Обвинительница

Фрагмент жития преподобной Пелагии

Пересказала
Алина Сергейчук

Из богато украшенного храма выходили девять епископов. Звонили церковные колокола. Благочестивые христиане почтительно расступались и с почтением взирали на архиереев, которые вели между собой неспешную беседу о церковных делах. Вдруг эта благолепная картина была грубо разрушена. Послышались звуки свирелей и колокольчиков, несдержанный смех, песни. По улице шествовала известная всему городу блудница Пелагия, окружённая своими поклонниками. Волосы красавицы были убраны в замысловатую причёску, плечи обнажены. Тонкую шею и запястья обрамляли массивные драгоценности. Аромат изысканных благовоний распространялся вокруг. При виде неё восемь епископов печально склонили головы и, прикрыв глаза, углубились в молитву, чтобы не видеть соблазнительного зрелища. Лишь один из святителей, почитаемый народом как великий подвижник, владыка Нонн, не стал прятать очей. Он пристально посмотрел на Пелагию и провожал её взглядом, пока шествие не скрылось за поворотом.

— Как вам понравилась красота этой женщины? – вопросил Нонн собратьев, когда на улице стало тихо.

Архиереи с недоумением посмотрели на известного своим аскетизмом владыку и ничего не ответили.

— Неужели её красота не принесла наслаждения вашим взорам? – снова спросил епископ.

Не получив ответа, он тяжело вздохнул и продолжил свою речь:

— А я многому научился от неё. Эту женщину Господь поставит нашей обвинительницей на Страшном суде. Она решила сделаться красивее всех, чтобы понравиться любителям женской красоты, – и достигла своей цели. А мы хотим украсить свои души, очистить их от грехов и пороков, чтобы угодить не людям, но Богу. Однако не прилагаем к этому столько сил и изобретательности, сколько потратила эта красавица, наряжаясь и намащая тело благовониями.

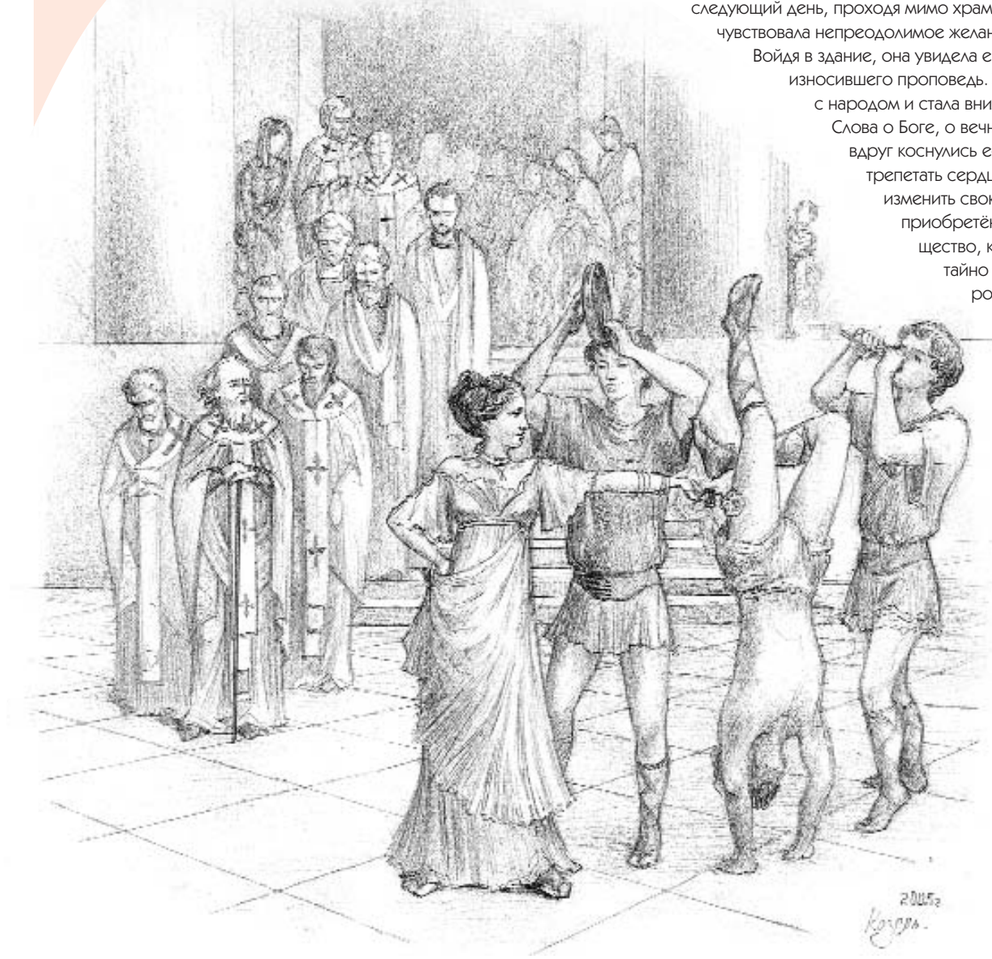
Придя в свою келью, епископ Нонн пал на землю перед иконами и стал молиться, проливая горячие покаянные слёзы. Затем начал умолять о помиловании женщины, невольно побудившей его ещё раз задуматься об украшении своей души.

— Господи! – взывал владыка, — не погуби создания рук Твоих! Не допусти, чтобы такая красота пребывала в разврате, служила на погибель людям!

Господь услышал молитвы Своего верного служителя. На следующий день, проходя мимо храма, Пелагия вдруг почувствовала непреодолимое желание заглянуть внутрь.

Войдя в здание, она увидела епископа Нонна, произносившего проповедь. Женщина смешалась с народом и стала внимательно слушать. Слова о Боге, о вечности, о покаянии вдруг коснулись её души, заставили затрепетать сердце… Блудница решила изменить свою жизнь. Она раздала приобретённое развратом имущество, крестилась. А затем тайно ушла из родного города и поселилась в Иерусалиме под видом мужчины-инока. Теперь она заботилась об очищении и освящении своей души с той же неукротимой энергией, с какой раньше старалась, украшая тело. Пелагия затворилась в тесной келье и провела в ней, не выходя на свет, несколько лет.

Преподобная Пелагия жила в пятом столетии по Рождестве Христовом в сирийском городе Антиохии.

Классика – это основа всего

«Красота спасет мир» – известные со школьной скамьи слова Достоевского. Сколько написано и передумано на эту тему! Но, наверное, ничто больше не продолжает привлекать из века в век все категории людей. Мы восхищаемся красотой, ее же порой не замечаем. В чем вообще ее роль в нашей жизни? На такую неисчерпаемую тему мы решили побеседовать с человеком, соприкасающимся с красотой каждый день, – художественным фотографом Александром Игоревичем Касперовичем*.

Беседовала **Ирина Капитанникова**

Фото: **Александр Касперович**

– Александр Игоревич, расскажите, пожалуйста, почему в свое время Вы выбрали именно эту профессию? Как сложились обстоятельства, что Вы решили заниматься фотографией вообще и, в частности, фотографировать людей?

– Почему я стал фотографом? Наверное, потому что от искусства я не был далек никогда: в молодости я занимался музыкой, играл в модной рок-группе, у меня было очень много друзей, которые учились в Московском художественном училище 1905 года. Вся моя молодость проходила так, что я был повернут к искусству тем или иным боком. Когда я еще не был тем, кем стал сейчас, я часто посещал галереи, художественные выставки (у меня было много друзей-художников), где больше всего меня привлекали портреты. Я не могу объяснять, почему я задерживался у портретов гораздо дольше, чем у пейзажей, еще не зная тогда, что буду фотографом. Мне было тогда, наверное, лет 20-21. Потом я стал уже фотографировать, а произошло это почти случайно. Я попал работать в проектный институт фотографом, это была скорее техническая работа, но тем не менее там я стал делать свои первые эксперименты в области портретной фотографии. Здесь нужно было делать какие-то рекламные фото, съемки на Доску почета, репортажи – скучать было некогда. Литературы было мало в те времена, и достать ее было очень сложно. Но я ходил на выставки, смотрел, читал, что было, и вообще-то для себя я сложил какой-то стиль, который подходил мне, он абсолютно не противоречил тому, что написано в журналах, книгах, как снимали портретисты. Но мне самому это противоречило. Потом я стал работать в московском фотообъединении, мои работы очень нравились, они успешно продавались, только я сам смотрел и не мог понять, что же там не так. Потому что все, что я знал до этого: и постановка света, и положение модели — все это было. Но в 1997 году я познакомился с Глебом Вячеславовичем Колосовым. Это великий фотограф, живой классик, можно сказать, возродивший незаслуженно забытую пикторальную фотографию. Пикторальная фотография бесподобна по своей живописности. Благодаря Колосову все это было возрождено. Когда я с ним познакомился, вернее, нас познакомили, мы очень быстро сошлись и подружились, он показал свои работы и, в частности, портреты – это были вещи просто бесподобные. Я совершенно не вникал, как они были сняты, какая техника, схема установки света, – они поражали меня своей цельностью, и это было поразительно. Я работал раньше в одной большой московской студии. Как-то Колосов ко мне пришел, а я собирался снимать портрет. Он сел в уголочек, я посадил модель, включил свет, побежал включать остальные приборы. Он говорит: «Подожди, не спеши. Иди сюда и посмотри, а надо ли еще что-нибудь». И все. В эту секунду я увидел цельную картинку, с которой практически ничего уже не надо было делать, и я понял, что все, что я раньше делал (различные моделирующие подсветки) все это отвлекало и разбивало картинку. Некоторые неподготовленные люди не могут понять, что их отвлекает от цельности изображения, что мешает. Я понял все и все, что я наработал до этого времени, я без всякой жалости отодвинул и никогда об этом не вспоминал. Мои старые фотографии сейчас, кроме усмешки, ничего не могут вызвать. Я начал как бы сначала, это были уже зрелые годы, мне было уже за 40. С того времени классический портрет я считаю основой. В своем творчестве я отталкиваюсь от живописных портретов старых мастеров, старых голландцев. Вот это для меня основа, не то, чему бы хотелось прямо подражать, но основа основ по всему: по композиционному решению, по цвету. Я считаю, что классический портрет должен обязательно исходить от старой живописи. Все эти приемы старых живописцев актуальны по сей день. Во всех художественных учебных заведениях учат писать и рисовать портреты, которые имеют под собой классическую основу. Поэтому я занимаюсь именно этими делами. Я думаю, что именно классика – это основа красоты изобразительного искусства любой ипостаси, будь то фотография, живопись, скульптура. Классика – это основа красоты. Что касается моей работы, я являюсь коммерческим фотографом, этим зарабатываю на жизнь. Если бы мое материальное положение позволяло делать что хочу, я бы снимал только для души, только то, что хочется. Я это делаю, конечно, но большинство моих заказов – коммерческие, и это могут быть не совсем противоположные вещи, не совсем, но все-таки.

> ! Красота не только имеет в своей основе классику, она несет ее в себе

– Какие каноны красоты превалируют в современном российском обществе? Много ли людей, которые по-прежнему стремятся к красоте классической? И что предлагается взамен?

– Плохо то, что уровень культуры нашего народа неуклонно катится вниз. Свобода хороша, бесспорно, мы сейчас живем в относительно свободном обществе, не в таком, в каком мы жили при советской власти. Но чему учили в школе тогда и чему учат в школе теперь?! На что обращали внимание в той же школе и на что сейчас не обращают внимание?! Я понимаю, что свобода есть свобода, но дети пущены на самотек. Сейчас они дети, через три года они будут подростками, через семь лет они уже будут юношами и девушками – достаточно уже для того, чтобы отвечать за себя. Я убежден, что все и абсолютно все – от воспитания и от родителей. Прежде всего, как родители будут воспитывать своих детей, такими те и вырастут несмотря ни на что – ни на свободу, ни на несвободу, они будут именно такими. Очень плохо, что дети не знают нашу историю, не знают нашу культуру, нашу литературу, не знают фактически ничего. Я не отрицаю модные блокбастеры, модные романы, что-то мне может нравиться (я люблю рок), что-то мне не нравится, но отрицать этого не стану, потому что кому-то нравится. Но отличать пошлость от чего-то светлого необходимо. Вот если люди научатся отличать, то особых проблем и не будет, они просто не будут обращать внимание на пошлость, а будут обращать внимание именно на то, на что надо

Александр Касперович *

Родился в 1953 году. Профессиональный фотограф с 1979 года. Фотограф и руководитель креативных проектов АртФотоЦентра, фотограф Дома моды «Вемина» (худ. руководитель Лиза Романюк). Портретная, прикладная, фэшн-съемка. Постоянно сотрудничает с журналами «Beauty», «Fashion Collection», «Женские секреты», «Планета Красота», «Бизнес-леди» и др. Художественное кредо: «Благородство и классическая цельность изображения»

обратить внимание. У нас большой культурный опыт. Почему же этот громадный культурный опыт не привносится в воспитание подрастающих детей? Я с ужасом смотрю на это. Хотя много тех, которые интересуются именно тем, чем должен интересоваться молодой человек в их возрасте: он должен накапливать все, что сделано человечеством хорошего до тебя, именно хорошего. Плохое само собой будет. А с точки зрения культуры, кому-то может нравиться симфоническая музыка, кому-то нет, но отрицать ее нельзя, абсолютно невозможно. Я думаю, что вся красота не только имеет в своей основе классику, она несет ее в себе, в какую бы культурную тему мы ни углублялись, это обязательно так, обязательно. Если это не так, то будут непонятные, какие-то аморфные вещи, но красивыми они не будут никогда. Я думаю, что классика и есть основа культуры, и жаль, что в нашей стране это сейчас не то чтобы совсем утеряно, но этому не уделяется достаточного внимания. Я понимаю, коммерция, деньги, шоубизнес превалируют, но то, что при этом нет культуры – очень плохо. И, бесспорно, художественный вкус. Я не хочу сказать, что это сразу неталантливые, неспособные люди, пусть это будут режиссеры, фотографы, живописцы, операторы – кто угодно. Я знаю, это люди способные, может быть, не огромного таланта, но способные точно; они могли бы добиться гораздо большего как художники, но коммерческая сторона их перебивает, они останавливаются на каком-то уровне, когда их покупают вот за это. И чтобы создать фильм, пусть с банальным сюжетом, но снятый безупречно по всем параметрам, надо приложить усилия.

– Можете ли Вы привести какой-нибудь яркий пример?

– Никто не может сказать, что тот же Михалков, когда он снял «Сибирский цирюльник», сделал это банально. Была большая реклама и в прессе, и на ТВ: фильм посмотреть надо, надо – и все тут. Я купил кассету, хорошую, настоящую, начал смотреть: сюжет очень банальный. Я посмотрел весь фильм и опять не могу понять, что же меня держит, – не сюжет, а что-то другое. Стал смотреть второй раз, зазвонил телефон, я нажал кнопку «Пауза», посмотрел картинку – и все, к телефону не пошел. Этот фильм настолько безупречно снят с точки зрения операторского мастерства и, безусловно, мастерства режиссера: безупречно по композиции, по свету, по всему безупречно. Любой кадр можно остановить, и мы получаем готовую картинку, в которой нам не к чему придраться. При том, что это кино, а не фотография. Хотя сам принцип построения изображения одинаков, но это немножко другие вещи, фотография статична. Это снимал Павел Лемешев, ныне покойный. Я считаю его величайшим человеком. И вместе с Михалковым они сделали такую картину. Это достижение мирового уровня. То, что он не получил за нее, что он хотел получить, – это другое. Мы все прекрасно знаем, как проводятся эти конкурсы, – где-то любят русских, где-то нет. Но человек создал произведение искусства. Каких трудов это стоило, я просто не представляю себе – снять такую картину, такой продолжительности и просто безупречно.

– Если вернуться к вопросу о вкусе, – как Вы считаете, можно ли воспитать в себе вкус, чувство прекрасного или это врожденное?

– Врожденный вкус, я думаю, наверное, есть. Думаю, что я не лишен вкуса, это без похвальбы, но вкус у меня есть, и вкус хороший. Я думаю, что это мне дано от Бога, но это я так думаю, возможно, и нет. Тому же музыканту, чтобы хорошо играть, необходимо, само собой, заниматься каждый день, но не менее необходимо ходить в галереи и смотреть на картины художников, читать очень хорошую литературу. Не понимая, как конкретно это происходит, он впитывает духовную энергию. Побывав на хорошей, замечательной выставке, он уйдет оттуда под впечатлением, и это обязательно отразится на его творчестве. То же самое касается и художников: они должны слушать хорошую музыку, должны оставаться под впечатлениями. Если они будут смотреть и слушать безвкусицу или какие-то пошлые вещи, конечно, вкуса не приобретут. Имея вкус, можно рассуждать в искусстве на любую тему: в чем-то будешь осведомлен более, в чем-то менее, но отличить хорошее от плохого, безвкусицу от шедевра можно, бесспорно можно. И, опять же, воспитание вкуса с понятием классической красоты имеет абсолютную близость. Классика незыблема, это основа всего. Она будет развиваться, классическое направление, – не обязательно что-то старое, это может приобретать любые формы, не обязательно авангардные, современные, но они будут классичны по своей сути, и через сколько-то лет они войдут в классику XX века, XXI века. Это будет. Классика, которую трудно будет подвергнуть какой-то критике. Воспитание вкуса идет опять же от классической красоты, от истоков. Думаю, что так. Когда человек поймет, что голубое небо и зеленая трава – это красиво, а голубая юбка и зеленая кофточка – ужасно, будем считать, что все в порядке, человек научился понимать. Есть какие-либо несоответствия: цветовые, музыкальные, какие-то диссонансы, которые наше ухо не слышит, но, увидев голубую юбку и зеленую кофту, с ума можно сойти, а голубое небо и зеленая трава – лучше быть не может. Это еще как-то понять надо.

– Получается, что сама красота и гармония природы окружают человека с самого детства, и дальше вырастая на этом, он имеет возможность либо развить в себе этот заложенный природой вкус, или сойти с этого пути…

> Воспитание вкуса с понятием классической красоты имеет абсолютную близость

– Господь создал нашу землю и сделал все так, что в основном это радует глаз. Мы не будем брать какие-то катастрофические последствия антропогенной деятельности. Все, что Им создано – прекрасно, вся природа в любой точке Земного шара прекрасна; действительно хороша, она гармонична. Это чудо, конечно. Иногда смотришь и не понимаешь, как это бывает. Но это бывает. Кто-то способен оценить более глубоко, кто-то менее, но отрицать никто не может. Если в человеке это есть, то это замечательно, он переживает все иначе, чем другие люди, не могущие увидеть прекрасного. К этому нужно стремиться, чтобы понимать, ощущать. И если мы видим эту красоту, видим что-то прекрасное и можем это оценить, – это прекрасно. Это великое счастье, что человек на это способен. Все, что мы делаем в этом направлении, мы делаем прежде всего для себя.

– Правомерны ли такие выражения, как «некрасивый человек», «некрасивое животное», или человек, подметив что-то внешнее, не смог увидеть внутреннее? Есть стереотипные выражения, которые часто наполняют наш язык. Существует ли, на Ваш взгляд, наполнение такого выражения?

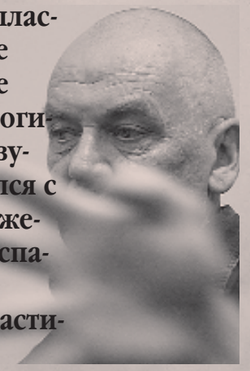
– Когда мы говорим: «Некрасивый человек»? Некрасивый человек делает некрасивые поступки. Эти поступки некрасивы не оттого, что он некрасив внешне, а потому что он некрасив внутри. Внутреннее состояние, внутренняя жизнь, которая в нем кипит, естественно выразятся во внешнем облике. Не может быть так, что внутри гад, а внешне ангел, – это редчайший случай. Когда мы говорим «некрасивый человек», мы подразумеваем скорее внутреннее, душевное наполнение, что он делает, на что он способен, вообще как он живет.

ХИРУРГИ-РОМАНТИКИ

Вечная молодость и красота – мечта многих! Пластика носа, пластика ушей, пластика губ и других частей лица, как и вообще пластическая медицина, становятся в последнее время все более привычными и популярными видами медицинских и косметологических услуг. «Красота и здоровье. Счастливы обладающие!» — звучит лозунг на рекламном щите. Но мало кто, к счастью, встречался с необходимостью пластической операции, когда она вызвана тяжелым заболеванием. Операция становится просто необходима и спасает человека от одиночества и тяжелых душевных страданий. Именно о такой пластической хирургии мы разговаривали с пластическим хирургом Сергеем Анатольевичем Кравцовым*.

Беседовала **Виктория Рыженко**

– Сергей Анатольевич, расскажите, пожалуйста, о пластической хирургии. В чем состоит различие между тем, чем занимаетесь Вы и чем занимаются другие пластические хирурги?

– В рамках эстетической и пластической хирургии пациентам производится коррекция ткани таким образом, чтобы наши клиенты соответствовали своим идеалам. Эта хирургия не связана с восстановлением утраченных структур: кожи, мягких тканей, скелета, гортани, пищеварительного тракта. В нашем институте получают лечение больные с онкологической патологией. Особенно сложны для лечения опухоли лица, поражение глазной орбиты, полости рта, лицевого скелета, глотки, гортани и другие. При удалении таких опухолей образуются видимые дефекты, человек вынужден дышать через трубку, питаться через зонд, постоянно носить повязки, скрывающие повреждения. Иногда в результате операций формируются повреждения, несовместимые с жизнью: обнажаются мозг, магистральные сосуды. В связи с этим мы вынуждены закрывать дефекты и восстанавливать удаленные ткани, используя приемы пластической хирургии, но с целью реконструкции. Перспектива инвалидизации, возможность оказаться исключенными из общества, быть постоянно зависимыми от помощи других людей вынуждают некоторых больных отказаться от радикального лечения и обращаться к некомпетентным специалистам – целителям-шарлатанам.

– В результате операции вы стараетесь не улучшить внешность человека, а вернуть ему первоначальный вид?

– Да. Наша цель – максимальное возвращение первоначальной внешности пациента, восстановление симметричности лица, придание анатомической формы пересаженной ткани. Для пересадки используются различные материалы, собственные ткани больного.

Мы рассматриваем человека как биологический конструктор, который имеет все необходимые запасные части. Если, например, удаляется фрагмент лица – скелет с мягкими тканями, то пересаживается фрагмент ткани, включающий кости, мышцы, жировую ткань и кожу. Если реконструируется полость рта, гортань, глотка – пересаживается часть желудка или кишки. То есть утраты восполняются строго в соответствии с их особенностями: кости заменяются на кости, мышцы на мышцы, слизистая оболочка на слизистую и т. д.

Перед операцией обязательно берется письменное согласие больного, ему сообщается полный объем вмешательства, какие органы пострадают, будут взяты для реконструкции, например часть кишки, ребра… Обязательно сообщается о возможных осложнениях. Во время самой операции опухоль удаляется одномоментно, причем удаляются и близлежащие здоровые ткани. После приживления пересаженных тканей иногда возникает необходимость пластической коррекции (глазниц, носа, скул).

При больших, сложных операциях, когда удаляется половина лица и более, не ставится задача восстановления первоначальной внешности, оно может быть минимальным. Успехом при таких операциях считается, если больной может спокойно ходить по улице без дополнительных повязок. В этих случаях считается: если 25-30 процентов прооперированных пациентов ходят без повязки – это хороший результат.

> ! Мы рассматриваем человека как биологический конструктор

Есть ряд больных, которые отказываются от дополнительной коррекции лица после операции. Им хватает того, что опухоль, уродовавшая лицо не меньше, чем послеоперационные рубцы, удалена. На дефект просто ставится заплата.

Завершением пластики считается приживление пересаженного материала, максимально возможное восстановление исходного внешнего вида.

– Известна ли врачам причина, по которой люди заболевают раком (в данном случае головы, лица, шеи)?

– «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – науке это неизвестно»… Так и в нашем случае. Мы никогда не можем точно определить причину. Да, известны, существуют определенные факторы, которые повышают риск заболевания. Первый – это наследственность. Если кто-то из близких родственников болел, вероятность заболеть повышается. Второй – это неблагоприятная окружающая среда, воздействие химических реагентов, работа на вредном производстве.

Был у нас один пациент, который в молодости служил в ракетных войсках, занимался заправкой ракет топливом. Там они должны были при выполнении работ надевать специальные защитные костюмы. Он их надевал. А через 15 лет возникло заболевание, он обратился к нам. У него были поражены лицо, руки, плечи.

Мы знаем, что есть вероятность заболеть у людей, проживающих на полигонах. Мы знаем факторы. У кого-то есть вредные привычки, кто-то работает на вредном производстве. Но сама причина неизвестна. Среди больных есть люди, которые не пили, не курили, вели здоровый образ жизни. Сложно сказать… Нужно донести до общества, что если что-то появилось, какие-то изменения, боли – надо идти к врачу. Много запущенных случаев.

– Кто чаще болеет – женщины или мужчины, и какого возраста?

– Например, раком головы и шеи чаще болеют мужчины, женщины реже. Возраст пациентов – в основном после сорока лет. Хотя бывает и в детском возрасте. В молодом организме рост опухоли происходит быстрее, эти случаи сложнее.

Сама по себе опухоль имеет свойство расти, поражая соседние структуры (то есть с мышц может перейти на кость, кожу). Может расти в разные стороны. Когда наружу, то проще, мы ее видим. Если растет внутрь, это сложнее. Для ее точного определения используется специальное оборудование (магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография и др.). Перед операцией делается точная модель скелета (черепа), рассчитывается объем необходимого пластического материала.

Наш институт занимается реконструкцией тканей в онкологии более 15 лет.

Кравцов Сергей Анатольевич *

Пластический хирург, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отделения реконструктивно-пластической хирургии опухолей головы и шеи Института онкологии имени Герцена. Награжден премией РФ за научные разработки метода реконструктивно-пластической хирургии опухолей головы и шеи.

Исследования ведутся коллективом авторов под руководством директора института академика РАМН В. И. Чисова, отмеченного за исследования в данной области премией РФ. Нами разработан свой метод реконструктивно-пластической хирургии, он запатентован и имеет лицензию. После его введения появилась возможность спасать людей. Раньше такие больные жили не более года, их пытались лечить химиотерапией, лучевой терапией. Еще раз повторю: наша цель – максимально улучшить качество жизни больного. Реконструкция связана не с внешним видом, а с тем, что человек будет жить, сам питаться, сам дышать. Насколько я знаю, другие пластические хирурги, занимающиеся улучшением внешнего вида, называют нас романтиками.

За рубежом наш метод также используется. Во Франции и Италии есть клиники, сравнимые с нашей по опыту и количеству выполненных операций. Но у нас больше диапазон. Некоторые трансплантанты разработаны именно в нашем институте. Метод сложный. Приходится сшивать сосуды и нервы под микроскопом. Далеко не каждый хирург может на это решиться.

– Расскажите о внутреннем состоянии пациентов. Что чувствует человек, узнав, что болен?

– Как правило, сначала большинство пациентов не верят, что у них рак, надеются, что это последствия простуды или гриппа. Затем следующий, очень сложный, момент – пересилить себя и пойти к врачу. Когда люди узнают, что у них онкологическое заболевание, то ведут себя по-разному. Одни настраивают себя, собираются, стараются как можно больше узнать, стараются вылечиться, чтобы продолжать жить дальше.

Болезнь проверяет на прочность

Другие люди, боясь операции, обращаются к шарлатанам. Они хотят мгновенного исцеления рака, покупают всякие «чудо-таблетки». И таким образом доводят себя до конечной стадии развития заболевания.

– Что происходит с людьми после операции?

– После лечения пациента выписывают. Он живет прежней жизнью. Но всю оставшуюся жизнь должен наблюдаться у онколога. В ряде случаев бывают рецидивы, тогда нужна повторная операция. Гораздо хуже, если случай запущенный и после операции появляются метастазы – это очаги опухоли, возникающие по всему организму в других жизненно важных органах.

– Есть ли отличия в том, как люди разного возраста реагируют, узнав, что больны?

– Разница, конечно есть. Но она заключается не в возрасте, а скорее в уровне интеллекта. У каждого человека

Для мужчины красота — вообще лишнее

есть свои взгляды на общество и на себя. Человек сам определяет свое место в обществе, многое зависит от профессии. Если человек работает с людьми, например, и хочет этим заниматься в дальнейшем, он стремится выздороветь и максимально восстановить облик и функции. Правильно, когда с детства прививают такие понятия, как гигиена, организованность во всем, этика, эстетика. Это все влияет на сроки обращения и, соответственно, на успешность лечения.

– Как болезнь влияет на личную жизнь людей?

– Бывают случаи, что разрушаются семьи. Бросают и жены, и мужья, здесь, как правило, нет различия. А бывает и наоборот – семьи сплачиваются. Болезнь проверяет на прочность. У нас был пациент П. (семь лет назад, ему было 35 лет) с раком гортани. После предоперационной химиолучевой терапии у него были удалены гортань и гортаноглотка, мягкие ткани шеи. Одномоментно восстановили гортаноглотку и ткани шеи. После операции развилось довольно редкое осложнение – кровотечение из сосудов шеи. Благодаря постоянному присутствию жены, которая заметила кровотечение и позвала врача, была вовремя пережата сонная артерия. Больного взяли в операционную, и кровотечение остановили. Пациент жив до сих пор.

– Что происходит с молодыми людьми, когда они узнают, что у них рак? У многих жизнь только начинается, а в связи с болезнью рушатся все надежды на будущее, на создание семьи, карьеру.

– Для молодых особенно тяжело, когда болезнь случается на взлете. Человек окончил школу, собирается поступать в институт или заканчивает институт и планирует работать, делать карьеру, иметь семью. Но, как правило, именно такие люди больше других стремятся вылечиться, они нацелены на максимальный эффект. Злокачественные опухоли в молодом возрасте прогрессируют гораздо быстрее. Для достижения максимального лечебного и эстетического эффекта необходимо начинать лечение сразу и только у онкологов, специалистов.

– Расскажите немного о себе. Как Вы стали онкологом?

– Я закончил интернатуру в 1989 году. После этого работал экстренным хирургом – это ножевые ранения, различные травмы. С 1991 года работаю здесь, в институте имени П. А. Герцена, сначала в отделении пищеводной онкологии. В 1992 году у нас открылся отдел микрохирургии, в котором я и работаю по сей день под руководством члена-корреспондента РАМН профессора Решетова И. В.

– Что для Вас красота вообще? И, в частности, мужская и женская красота?

– Красота для каждого – это понятие индивидуальное. Каждый вкладывает в него свой смысл. Для кого-то важнее внешность, кому-то наоборот, кто-то оценивает и то и другое. В человеке должна быть гармония между внутренним и внешним, если, конечно, это не связано с врожденными уродствами. Если человек некрасивый, совсем необязательно, что он плохой. Если человек не несет в себе зла, разрушения, если в нем присутствуют созидание, готовность помочь, то он красивый. Для женщин красота более актуальна. Для некоторых мужчин одного этого качества в женщине вполне достаточно. Наверное, красота – социальное понятие и зависит от моды, веяний времени в обществе. Для мужчины красота — вообще лишнее. Главное — в его поступках, его внутреннем мире. Конечно, род занятий накладывает отпечаток на внешность. Внешность определяется внутренним.

– Как Вы думаете, Ваша профессия – мужская?

– Конечно, мужская. Притом для мужчин с крепкими нервами. Ведь мы не просто оперируем. Мы сначала преднамеренно калечим человека, удаляя опухоли, а затем сами восстанавливаем.

– Есть ли в вашем институте психолог для оказания психологической помощи больным?

– Раньше был. Мы, конечно, и сейчас были бы рады иметь такого специалиста. Но сейчас психологами у нас являются только служители больничного храма во имя иконы «Всецарица», священники.

Если человек не несет в себе зла, разрушения, если в нем присутствуют созидание, готовность помочь, то он красивый

Ужасно красиво!

Приглашение к разговору

Автор:
Татьяна Алексеева

Мимо него не пройдешь. Его взгляд из-под черных бровей притягивает, затягивает, обещает вечно длящееся головокружительное мгновение, упоительное, захватывающее падение – только бы не кончалось. Он безумно, он демонически красив. Он обещает все, о чем ты и мечтать не решалась, этот парень с обложки.

Или врубелевский «Демон», одинокий во всем этом мире, непонятый и всеми отвергнутый, но стоящий как бы над всеми, знающий больше, чем те, кто его не понял и не принял. Тонкий, черный с ультрамарином, такой… притягивающий взгляды.

Красивые бледные девушки в черном из модных журналов, с черной помадой на губах и загадочным, манящим взглядом глубоких, густо обведенных черной тушью глаз.

Вот они, творящие зло, красивы, а я?

Женщины-стервы, то есть женщины, живущие красиво и плюющие на других, знающие, куда идут и чего хотят. И притом выглядящие женственными, слабыми, милыми. Именно у таких – факт – нет отбоя от поклонников.

Музыка в стиле «тяжелый рок», фанатами которой перебывали почти все.

Литературные образы мстителей, всегда благородных, всегда вдохновляющих. Образ Настасьи Филипповны, роковой женщины, и образ Печорина, разбивающего сердца.

Что-то ведь есть в этих теневых, демонических, или, по крайней мере, сильных и злых образах, чем-то они притягивают душу?

Что же это?

Версия 1. Да просто-напросто сила. Сильный человек производит сильное впечатление. Активность всегда красива, а бездейственность никто не замечает. Злые художественные образы часто именно сильные, выразительные. Чтобы быть сильным и добрым, нужно очень много трудиться, постоянно делать, делать и делать добро, переступать через себя, помогать другим, не отказывать в просьбах… да и результат будет не сразу. Быть злым гораздо проще хотя бы потому, что не надо бороться с собой.

Версия 2. Тебе в жизни нужен вождь. А за кем идти? Конечно, за сильным, за лидером. А рядом со стервой, которая знает, куда идет и чего хочет, ты, может быть, сам поймешь, что тебе нужно и где твой путь.

Версия 3. Патологическое подсознательное желание быть жертвой. Говорят, женщины-стервы привлекают мужчин-мазохистов, хоть это и не всегда так. А мужчины с демонической внешностью, соответственно,— девушек-мазохисток.

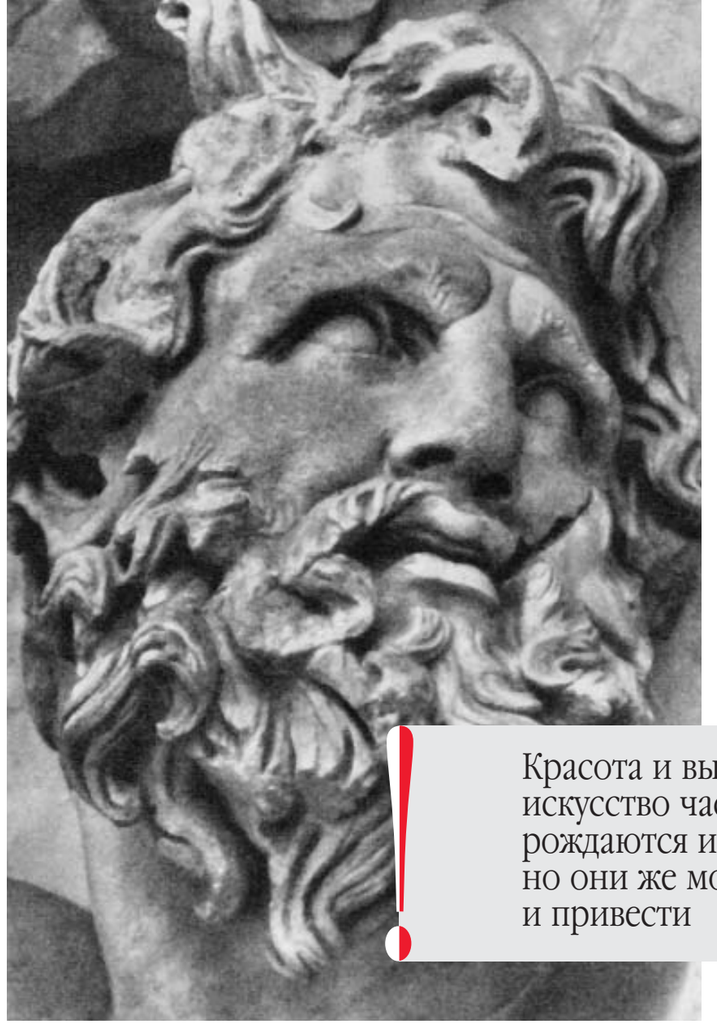
Версия 4. Человека привлекает то, в чем он находит свое отражение. Не всех ведь впечатляет демоническая красота. Если у тебя на душе нехорошо, неуютно и темно, если ты чувствуешь себя непонятым, тебя привлечет в Третьяковке именно «Демон».

Версия 5. Если зло не представит себя добрым или красивым, оно не будет привлекательно. Пока ты не усыпишь свою совесть, пока не объяснишь ей, что то, что ты намереваешься сделать, — хорошо, ты же этого не сделаешь. Вряд ли кто станет творить заведомое зло (разве только во имя каких-то красивых целей).

Версия 6. Казалось бы, все несущее на себе отпечаток зла, должно быть безобразно… А оказывается, можно быть темным и красивым, вот тому множество примеров. Ты видишь эти художественные образы оставшихся красивыми в своем падении, и они как бы дают и тебе позволение падать вниз, быть злым, плевать на других. Ты ищешь образы непринятых другими, но при этом сильных и красивых, а не запуганных, серых и забитых, чтобы быть, как они.

Версия 7. «Тварь я дрожащая или право имею?» Вот они, творящие зло, красивы, а я? Я тоже смогу, я сильный, я переборю в себе голос совести, который есть не более чем давление общественных стереотипов…

Так что же это, такое привлекательное в образе падшего ангела?

Красота и высокое искусство часто рождаются из бездны, но они же могут в бездну и привести

В качестве комментария к письму Татьяны Алексеевой мы предлагаем отрывок из книги Е. А. Авдеенко* «Античная культура в современной классической гимназии».

(Дается в редакционном сокращении)

Автор:
Евгений Андреевич Авдеенко

Это знали древние греки

Кто первый почтил муз и принес им жертвы? «Говорят, первыми людьми, которые на Геликоне», гора недалеко от Парнаса, «принесли жертвы музам и нарекли эту гору священной горою муз, были братья От и Эфиальт» (Paus. 9, 29, 1-2). От и Эфиальт – самые дерзкие и мощные среди всех героев-богоборцев. Из их злодеяний запомнили, что они угрожали богам, – взгромоздить одну гору на другую до неба: гору Оссу – на гору Олимп, а сверху еще забросить гору Пелион. (В древности была даже пословица – «Громоздить Пелион на Оссу», то есть нагромождать нелепости.) Еще Эфиальт сватался к Гере (Гера была замужем), а От – к Артемиде (безбрачной богине). Самого бога Арея братья заключили в медную темницу (буквально — в кувшин), и там бог войны томился 13 месяцев (Ил. 5: 382-391). Что за число «13»? 12 – божественное число, если Арей был в заключении 13 месяцев, то это для бога «чересчур» (то, что для человека 11). Лишенного силы Арея выкрал из темницы Гермес. Но самое замечательное из всех злодейских намерений двух братьев было «превратить море в материк, засыпав его горами, а землю превратить в море» (Apollod.1, 7, 2). А это зачем? В этом какой смысл? – Никакого. Им так хотелось… Есть герои – особой судьбы, повествовать о которых миф продолжает и после их смерти. По тем злодействам, какие совершили От с Эфиальтом, мы можем догадаться, что они «удостоились» особой муки за гробом. Это действительно так, но понять, что это за мука, мы сможем, только когда расскажем о том «добром», чем прославились эти герои… От и Эфиальт прославились красотой («всех красотой затмевали»; Од. 11: 310) и тем, что, как бы мы сейчас сказали, они понимали в искусстве. От и Эфиальт почтили муз и установили, «что муз было числом всего три, и дали им следующие имена: Мелета (Опытность), Мнема (Память) и Аойда (Песня)» (Paus.9, 29, 1-2). Но ведь это сочетание «память–опыт–лад» есть во всяком искусстве (эпосе, лирике, трагедии, танце, архитектуре…). Итак, создателями первой эстетической «теории» в Европе были «затмевавшие всех красотой» ужасные злодеи-богоборцы. Греческий миф говорит нам, что красота и высокое искусство часто рождаются из ужасного… И поэтому совсем не случайно, что прекрасный Пегас, крылатый конь, послуживший музам, ставший (позднее) в европейской культуре символом поэтического вдохновения, родился от чудовища: его матерью была Медуза Горгона, та самая, чья голова «украшает» эгид Афины, воплощенный ужас: прямой взгляд на нее обращал в камень. От ужасной матери и при ужасных обстоятельствах родился Пегас: «После того как Медузу Персей обезглавил, Конь появился Пегас из нее». (Теогония, 280–1). Из окровавленной издыхающей Медузы – «выпрыгнул Пегас» (Apollod.2, 4, 2).Мы говорили, что в греческой мифологии космос (мироздание как прекрасное целое) рождается из хаоса через ужасное и при помощи ужасного (вспомним титанов, титаномахию, сторуких). Так же, говорит миф, из бездны – чудовищного и ужасного – рождаются красота и искусство. Кстати, спросим: ужасная Горгона, была она безобразна или красива? Вопрос не глупый, потому что ужасное — это не безобразное. На древнейших изображениях (VII и VI веков до Р. Х.) Медуза Горгона – страшна, в значении безобразна. Лирический поэт V века великий Пиндар говорит о Медузе: «Медуза с прекрасными щеками» (Пиф. 12), что значит в поэтике древних то же самое, что «красивая». На статуе Афины скульптора Фидия голова Горгоны в прямом смысле слова «украшала» щит богини (статуя не сохранилась, но в ней не могло быть безобразных деталей). Наконец, античный мифограф более поздних времен пишет, ссылаясь на неизвестных нам авторов: «Другие сообщают, что Горгона была обезглавлена ради Афины: она, говорят, хотела состязаться с Афиной в красоте» (Apollod.2, 4, 3). Ужасная Горгона была красива! Красота и высокое искусство часто рождаются из бездны, но они же могут в бездну и привести.

Авдеенко Евгений Андреевич *

Философ, специалист по древним языкам, автор исследований и толкований книг Бытия и Иова. Основные работы: книги «Античная культура в современной классической гимназии», «Как правильно выйти замуж», фильм «Начало».

Суд будет грозным, но прекрасным

«Это же картина из Данте! Это реквием!»

Автор:
Ольга Зверева

12 апреля 1925 года на похороны святителя Тихона в Донском монастыре, казалось, собралась вся Москва, если не вся Россия. Можно было встретить невероятное стечение калик перехожих, странников, монахов. Точно ожила картина XVII века. И когда – после семи лет гонений на Православие! Это был своего рода последний Собор Святой Руси.

Среди множества людей в толпе было и два художника – Павел Дмитриевич Корин и Михаил Васильевич Нестеров. Потрясенный увиденным, Корин воскликнул:

– Это же картина из Данте! Это «Страшный суд» Микеланджело! Написать все это, не дать уйти. Это реквием!

Именно тогда зародилось у него намерение написать большую историческую картину, которая явилась бы образом всей Святой Руси.

Все 12 дней прощания верующих со своим Патриархом Корин провел в Донском монастыре. Здесь он сделал первые зарисовки. Затем, уже в мастерской, он начинает писать портреты – эскизы для будущего шедевра.

Похороны Патриарха явились поводом для написания большой исторической картины, композиция которой определилась далеко не сразу. Но замысел ее десятки лет оставался неизменным – написать шествие всей Руси на Страшный суд.

Один из первых композиционных эскизов Корин вписал в пейзаж Иосафатовой долины под Иерусалимом. Потом он задумал сделать местом действия Рим в Италии. Но все эти проекты были побеждены замыслом переместить место действия в главный собор Третьего Рима, который последние пятьсот лет являлся по сути центром восточного христианства. Идея Третьего Рима также связана со Страшным судом, потому что «четвёртому Риму не бывать». Именно Третий Рим должен достоять до Страшного суда и встретить Второе пришествие Христа. Так, следуя логике псковского старца XV века Филофея, коринские герои оказываются в главной твердыне Третьего Рима – Московском Кремле, у стен его духовного центра – Успенского собора.

Осенью 1932 года Корина впервые пускают в закрытый тогда для посещения Кремль. В течение следующего года художник делает наброски Успенского собора и Соборной площади, помещая своих героев то на Соборной площади, то на паперти Успенского собора. Над последним композиционным эскизом художник начал работать в 1935-м, а закончил его только к 1959 году.

В Успенском соборе Московского Кремля, в центре, на специальном архиерейском помосте стоят протодиакон Михаил Холмогоров и митрополит Трифон (Туркестанов), за ними три Патриарха Московских и всея Руси – Алексий (Симанский), Тихон (Белавин) и Сергий (Страгородский), за ними сонм архиереев, из которых узнаются только Новгородский митрополит Антоний (Стадницкий), митрополит Петр (Полянский) и митрополит Антоний (Храповицкий).

> Кажется, что ещё мгновение, и Страшный суд уже начнётся

По сторонам от центральной оси храма находится множество священников, монахов и мирян. На первом плане по центру сидит нищий, чуть правее схимница со свечой, за ней отец и сын. За ними видны стоящие на помосте схиигумен Митрофан и архимандрит Никита. Правее четырёх человек первого плана на небольшом расстоянии от них стоит группа монашествующих. Из этой группы на первый план выходят иеромонах Пимен (Извеков) и епископ Антоний, чуть левее и дальше от первого плана протодиакон Холмогоров, ещё дальше – молодой монах, за ним стоит молодая монахиня, и видна только голова схимницы из Вознесенского монастыря, ещё дальше – схиигумения Фамарь. С левой стороны от широкой ковровой дорожки, обозначающей центральную ось собора, ближе всего к зрителю стоят трое. На втором плане, слева от архиерейского помоста, на котором у края стоит протодиакон Холмогоров с кадилом, стоят схиигумен Агафон, слепой и иеромонах Алексий, дальше – старик, отец Алексий из Палеха и протоиерей Митрофан Сребрянский (в монашестве архимандрит Алексий). Некоторые из них недавно прославлены в лике святых.

Все они стоят спиной к иконостасу и алтарю, Царские врата закрыты. Можно предположить, что литургия в Успенском соборе только что завершилась. Возможно, что на последнем эскизе композиции «Руси уходящей» представлен момент окончания последнего богослужения в Успенском соборе, состоявшегося на Пасху 1918 года, литургии, которую возглавлял епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), викарий Московской епархии.

На картине все отслужившие литургию архиереи вышли из алтаря, Царские врата за ними закрылись, и все приготовились к шествию, наподобие крестного хода, только этот «крестный ход» должен направляться ко Христу на Страшный суд. Поэтому митрополит Трифон стоит рядом с протодиаконом и смотрит в ту же сторону, в которую направлена рука с кадилом. А она направлена не на восток, как принято, и не к служащему архиерею, то есть митрополиту Трифону, а на запад.

Очевидно, что в данном случае этот жест и возглашение обращены непосредственно к Богу. Разумеется, архидиакон на всякой церковной службе обращается к Богу Невидимому, ведь на богослужении, по учению Православной Церкви, незримо для нас присутствует Христос. Но в таком случае возникает вопрос: почему митрополит Трифон смотрит в ту же сторону, на запад, куда обращен жест архидиакона? Очевидно, что митрополит Трифон, как и почти все остальные присутствующие в Успенском соборе, смотрят на фреску «Страшный суд», которая как раз и расположена на западной стене. Если мы встанем мысленно на место митрополита Трифона и посмотрим в том же направлении, что и он, то мы убедимся, что смотрит он на образ Спасителя на фреске и жест протодиакона обращен к Нему же.

Представляется, что митрополит Трифон на картине видит Реального, Живого, Воплощенного Бога. Через это художник не просто сравнивает происходившее на похоронах Патриарха со Страшным судом, а непосредственно вносит в свою картину идею реальности скорого наступления Страшного суда.

Важно отметить, что на картине изображена вся полнота земной Церкви. Реальные живые члены Церкви: епископы, священники, монахи и миряне; странник и нищий, молодые и старые, мужчины и женщины, простые мастеровые и бывшие князья и княжны, люди, исполненные горячей веры и сомневающиеся, находящиеся в состоянии внутренней духовной борьбы и обессиленные, опустившие руки; праведники, молитвенники, мученики и исповедники, но и грешники, со своими страстями, и предатель, который, как Иуда, тоже необходим для полноты, ибо «один из вас Меня предаст», три Патриарха Московских (каждый в своё время являлся главой Русской Православной Церкви) и глава Зарубежного Синода Русской Православной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий), вышедший из евхаристического общения с Местоблюстителем Патриаршего престола Сергием, который, в свою очередь, запретил его в служении. Изображены уже умершие Патриархи, потому что всего несколько мгновений осталось до начала Страшного суда, а мёртвые, и в первую очередь верные, должны восстать на суд, который с них и начнётся.

Картина Корина завершает поиск исторической темы, который начал еще Александр Иванов. Если Иванов нашел свою тему в самом важном событии в истории человечества – явлении воплотившегося Бога в мир, то Корин осветил вторую по значительности мировую тему – Второе пришествие Христа.

Итак, образ русской истории у Корина получается следующий. От некой временной точки отсчёта отходят две исторические перспективы. Одна – в прошлое, которое олицетворяет Успенский собор Московского Кремля с его чудотворными иконами, православными святынями, захоронениями митрополитов и Патриархов Московских, начиная с их родоначальника святителя Петра, кафедральный собор Московского княжества и Московского царства, главный собор Российской империи, в котором венчались на царство русские цари, начиная с Ивана Грозного и заканчивая Николаем II.

Вторая историческая перспектива – будущее, это Второе пришествие Христа, которое олицетворяет фреска «Страшный суд» на западной стене собора. Зритель Его не видит, но как будто зрит Его отражение в деисусе иконостаса. Но насколько же далеко от нас отстоит Второе пришествие? Глядя на чрезвычайно взволнованное состояние митрополита Трифона, кажется, что ещё мгновение – и Страшный суд уже начнётся. Но сколь долго будет длиться это мгновение, сколько ещё в этой перспективе может встать людей и событий?..

В центре картины стоят три Патриарха, двое уже умерших, один тогда здравствовавший, а ведь это ситуация уже не 1935 года, а 1959. В 1935 году в живых не было ни одного Патриарха, и Сергий (Страгородский) был только Местоблюстителем. Мы уже знаем, кто стал следующим после Алексия I Патриархом, но Корин этого так и не узнал. Он даже не пережил Алексия (Симанского), который уже на момент избрания его Местоблюстителем после смерти Патриарха Сергия был самым старшим по хиротонии среди епископов. Однако с переднего плана правой стороны картины в упор пронзительным взглядом на нас смотрит молодой иеромонах Пимен, ставший Патриархом и почивший в 1990 году. Так вот сколько прошло на самом деле лет за одно мгновение. Сколько же их будет ещё? «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24, 36). Глядя на коринское полотно, с уверенностью можно утверждать лишь одно: этот день и час будет не только грозным, но и прекрасным.

> «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один»

Встреча под Рождество

Автор: **Екатерина Цветкова***

Звонят-колоколят во Владимире: на весь город заголосили церкви-церквушки, храмы-соборы, провожая своих прихожан, благословляя их на дорогу к дому. Медленно и неохотно выплывает после торжественной всенощной на Большую Московскую улицу православный люд. Хрустит-радуется под ногами чистый предрождественский снег. Пост идет, а он развеселился, проказник! В душу пахнуло чем-то невыразимым, далеким, ушедшим давным-давно…

Запрокидываешь голову, смотришь в небо, и кажется, будто кто-то заботливой рукой протер все звезды и звездочки, большие и маленькие планеты… и еще – тончайший, только что народившийся месяц. Разливается звон владимирских колоколов по всем дорожкам, дворам-закоулкам и уходит – прямо туда, в высь, к ангелам Божиим, к Богомладенцу и Его Пречистой Матери. Еще помнят о древнем и святом Владимире чудом уцелевшие купола, кресты и колокола. Таким простым, праздничным, предрождественским открылся он мне впервые в Успенском соборе. Таким его видел и любил писатель Иван Сергеевич Шмелев, проживший здесь, в окружении средневековых монастырей и храмов, около восьми лет.

«Здравствуйте, дорогой и драгоценный Иван Сергеевич!» – говорю я всякий раз, когда проезжаю мимо его розового двухэтажного подновленного дома.

Шмелев теперь мой большой друг. Познакомились мы полтора года назад в один из заснеженных предрождественских вечеров, когда на владимирские улицы из церквушек вместе с людьми возвращается прошлое, древнее и святое прошлое…

Бабушки осторожно покачиваются с ноги на ногу, боясь поскользнуться. Новорожденный пушистый искрящийся снег – вестник Рождества Христова – сам тебя держит и не отпускает. Тут уж точно не поскользнешься!

Вечер, а выйдешь из собора – светлынь… У меня в руках – пакет с коньками. После всенощной я – на каток.

Так и проходили наши встречи с Иваном Сергеевичем… Необъяснимо!

Белый лед с одного края тронут темно-синим, с другого – лунно-желтым: здесь начинается не каток, а поэзия, поэзия шмелевской прозы. Всюду рассыпаны золотые, серебряные, изумрудные снежинки – земные звезды.

«Не помню, снились ли ангелы. Но до сего дня живо во мне небо, коснувшееся меня!» – сказал тогда Иван Сергеевич тихо-тихо. Нас было четверо или пятеро – таких «конькобежцев». Не знаю, слышал ли еще кто-то, кроме меня, эти слова… Возвращаясь домой в двенадцатом часу, я садилась за книги – знакомство со Шмелевым продолжалось.

Тихая-тихая молитва проникает в сердце и душу, обнимает, покоит и радует. Без молитвенного правила я не засыпаю.

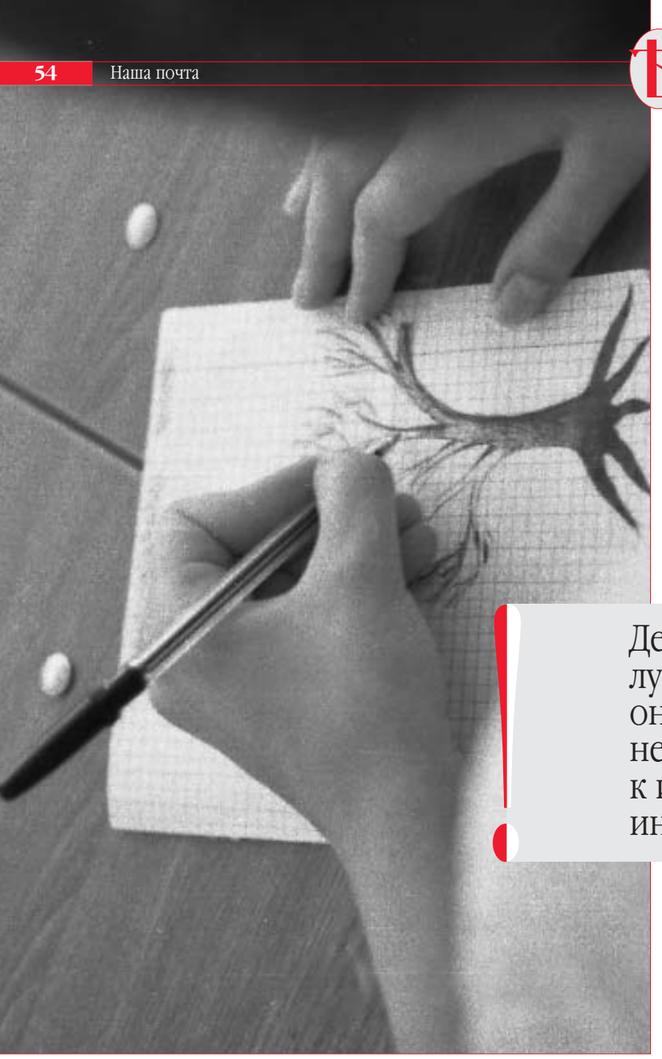
Проходили дни… и встречи. А с Иваном Сергеевичем расставаться я не спешила. Так в Рождественский пост появлялся на свет мой первый в жизни документальный фильм о писателе, о творчестве и о нашей многострадальной Родине. Сценарий я написала в субботу ночью, а рано утром в воскресенье стояла в Успенском соборе, радуясь и благодаря Господа Бога за нежданное знакомство…

Здравствуйте, дорогой и драгоценный Иван Сергеевич!

Екатерина Цветкова *

Тележурналист. Автор и режиссер фильма «Иван Шмелев. Душа Родины» (2004).
В 2005 году закончила Владимирский государственный университет.
Любимые места на земле – Валаам и Владимирский Успенский собор

Сейчас очень много говорится о «высоком уровне среднего образования», но при этом, похоже, забывают, что речь идет о живых людях, о детях. Говорят, неплохо бы увеличить количество предметов, усложнить программу. Но представляют ли жизнь тех, кто по этой программе будет учиться?

Проблемы среднего образования: взгляд изнутри

Пятнадцать месяцев я работал в школе, расположенной в чудесном старинном городке в 60 километрах от Москвы. То, с чем я столкнулся, побудило меня поделиться своим опытом. В этой статье отразились те мысли, что живут в головах моих коллег, неравнодушных к своему делу, не потерявших в школьной системе трезвого взгляда на жизнь и сохранивших человеческий облик, свое «я».

…На кого рассчитана школьная программа? Создается впечатление, что ее творцы пишут учебный материал в расчете на то, что в классе будут сидеть такие же толстые и лысые дяденьки с очками на носу. Результат — уже к окончанию 8-го класса примерно половина школьников перестает понимать то, что написано в учебнике. И вот эти самые отстающие, потеряв где-то в 8-9 классе нить преподаваемого материала, уже не учатся — они досиживают до получения аттестата. А ведь так теряется изначальный смысл предмета: математика, которая, по идее, должна служить инструментом для воспитания логичного, последовательного мышления, превращается в упражнение по списыванию! И ученики вместо ясности стройных логических формул приобретают навыки конспиративной работы и привычку ко лжи!

Зато наш министр образования может ударить себя в грудь и гордо заявить американцам: «А у нас уже восьмиклассники извлекают дискриминанты из квадратных уравнений!» Да, живые люди сейчас не в моде — успехи измеряют в цифрах и процентах успеваемости. А то, что школа делает детей больными, — это уже нас не касается.

Дети перегружены… Этот факт очевиден сейчас очень многим. «Ну и что в этом плохого? — спросят некоторые из вас. — Им же в будущем будет польза». А плохо то, что у них нет детства. И эти прилежные ученики и ученицы, когда вырастают и становятся взрослыми, чувствуют, что их лучшие, светлые годы они занимались делом, не имеющим отношения к их действительным интересам, к их развитию, их обокрали тогда, вытянули жизнь зубрежкой, бессонницей, страхом перед плохой оценкой. На них накатывает странная, необъяснимая тоска.

> Дети чувствуют, что их лучшие, светлые годы они занимались делом, не имеющим отношения к их действительным интересам

А учебники… Учебники… У меня остается только слабая надежда: это была случайность, что мне достались такие учебники, в других школах дети читают другие книги…

В этом году в нашу школу поступили новые учебники истории для 9-11 классов Н. Загладина. Учебник для 11 классов является ярким примером книги, где, несмотря на множество слов, не написано… ничего! Точнее, весь учебник составлен из мыслей академика Загладина по поводу истории XX века, а еще точнее — из пустых, мертвых абстракций, и после его прочтения в голове остается черная пустота, расчерченная схемами. Минимум дат, минимум событий, а сквозь строки проглядывает довольство автора собственной ученостью. В кого вы хотите превратить детей, господин Загладин? В таких же лысых пузатых академиков с кассовым аппаратом на плечах? Да я лучше позволю детям половину урока швыряться бумажками, чем буду заставлять их читать ЭТО, но буду уверен, что они сохранят психическое здоровье.

Но это крайний пример. Вот другой: учебник Данилова, Косулиной для 9 класса «История России в XX веке». Неплохой учебник, поскольку кое-где ребенок может понять написанное. Но и тут попадаются завихрения. «Верховная власть полагала, что политический консерватизм крестьянства, его приверженность традиционным устоям нейтрализуют оппозиционность кадетов». Смысл этой фразы из моих учеников не смог объяснить никто. Ну что стоило написать в учебнике: «Царь думал, что крестьяне будут его слушаться». И так далее. Короче говоря, учебники по истории непонятны. И поймите меня правильно — я не за плоское «упрощение», а за то, чтобы о простых вещах писать простыми словами.

…Положение, создавшееся с оплатой труда педагогов, катастрофично. Педсоветы учителей-предметников иногда оканчиваются ссорой: от того, сколько часов достанется учителю, зависит то, будет ли он беден или нищ. Интересы педагогики, дети, тут во внимание не принимаются — это вопрос выживания. Моя коллега, хрупкая 30-тилетняя незамужняя женщина, вынуждена брать себе 36 часов в неделю. Немного меньше — и ей нечем будет заплатить за квартиру — она приезжая, а цены на жилье в нашем городке приближаются к московским. Ее ученики жалуются: «Она плохая!», «Она плохо учит!», «Ей нервы лечить надо!». Но понять причину подобной раздражительности может лишь тот, кто знает, что это такое — провести ШЕСТЬ уроков каждый день, ибо накал страстей в некоторые дни напоминает арену римского Колизея времен Октавиана Августа. Я, великовозрастный балагай, не обремененный семьей и заботой о добывании средств к проживанию, могу с улыбкой сказать в компании друзей, что моя зарплата — это зарплата римского гладиатора, и после оплаты жилья остается аккурат на похлебку из перловой крупы. Я могу поиграть с шестиклассниками из класса коррекции на уроке в солдатики, а потом пойти с ними гулять по мимолетному ноябрьскому снежку. Но нормальные учителя во время учебного года взвинчены, задавлены и вымотаны. Они несколько часов подряд выдерживают многоголосый детский гомон, унимают наглецов, разнимают драки, принимают претензии обиженных оценкой, занимаются заполнением журналов, проверяют исписанные корявым почерком тетрадки, потом беседуют с родителями хулигана, которые никак не могут поверить, что их Алеша беспросветно туп и безнадежно распущен. К тому же скверные человеческие привычки к еде и сну создают непреодолимые препятствия для исполнения всех обязанностей, сваливающихся на учителя. Стоит ли удивляться, что многие из тех девушек, что пришли работать в школу, так и не создают себе семью? А ведь не забывайте — эти люди учат ваших детей! И их проблемы, неизжитые страсти отражаются на подопечных.

Я — мужчина. Мне 23 года. И я люблю свою работу. Но знаю, что учителем я могу работать лишь до тех пор, пока мне не надо думать о прокорме себя и своей семьи. Один мой ученик, окончив 10-й класс, летом подрабатывал на местной бензозаправке. Работал он каждый второй день. И за неделю зарабатывал больше, чем я за месяц труда (фактически без выходных). Когда этот факт случайно выяснился, смеялся весь 11-й класс (правда, смех сменился тягостным молчанием). В принципе, учитель может содержать семью. Но 36 часов в неделю — эта работа станет проклятьем, она убьет все мои лучшие намерения, я не смогу обеспечивать высокий уровень занятий, индивидуальный подход. Я просто вынужден буду стать черствым формалистом, иначе не смогу проводить уроки.

А что такое современная школа, современные дети? Вот 9 »б« класс. Класс, где рыжий сорванец не может и минуты усидеть на месте, и здесь же ученица украшает тетрадь картинками, по мастерству художественного исполнения сделавшими бы честь самому Леонардо да Винчи. Такие дети требуют индивидуального подхода, индивидуальных заданий. Но учителя, вынужденные брать по 36 часов, не могут, физически не в состоянии наладить индивидуальные, личные отношения с учениками, они вынуждены писать один план занятий на всю параллель — от «а» до «е» классов, одинаковые задания для олигофренов и для талантов, для хулиганов и для тихонь. А ведь шесть уроков в день — это только половина работы. Другая половина начинается после занятий: заполнение журналов, планы, проверка работ. Бегом, бегом, бегом… Нет возможности остановиться, оглянуться по сторонам, прочитать книжку, обдумать, творчески переработать планы занятий…

Что же делать? Для начала — прекратить лгать друг другу. Прекратить лгать, что каждый ученик способен освоить программу. У нас в школе в 2004 году выпустили шесть девятых классов. Последние три класса — «г», «д» и «е» — были известны среди моих коллег-педагогов под собирательным именем «ГДЕ-классы». Все знали, что там никто не в состоянии понять тему урока и наша цель — высидеть их до получения аттестата, а в конце года поставить липовую тройку и, перекрестившись, выпустить на волю.

Надо понять, что программный набор знаний, вдалбливаемый в дите за партой, не может быть им осмыслен. Эта информация, только в силу своего количества, не усваивается, пролетает мимо сознания. Интерес — движущая сила преподавания. Я был свидетелем, как худшие, буйные ученики из класса коррекции пересказывали услышанную на прошлой неделе лекцию почти дословно — ведь лекция была интересной! (Вопреки уверениям, что ребенок не может слушать более 10 минут). Учитель должен иметь свободу маневра: эту тему сократить, эту — рассмотреть подробнее, исходя из индивидуальности класса, наладить личный контакт с группой. Фактически так оно и происходит — у тех, кто вкладывает в работу душу. Речь идет лишь о том, чтобы узаконить подобные перестановки, а не писать в журнал фальшивую тему урока. То есть: половина программы — обязательна, темы для другой половины выбираются самим учителем, который исходит из конкретной ситуации.

> Неплохой учебник, поскольку кое-где ребенок может понять написанное

Чиновники, что устанавливают правила, могут сказать: не умеешь освоить программу по одному предмету — обойдешься без аттестата. Им из погреба виднее. А мне, деревенскому учителю-предметнику, сказать то же самое — значит превратить соседа во врага. И дело не в трусости, не в том, что оскорбленные двоечники потом отпинают меня в подъезде (хотя подобные случаи известны). Просто школьная программа приходит и уходит, а жизнь идет своим путем, и вчерашние ученики становятся моими друзьями. Не отравлять же с ними отношения из-за дискриминантов.

А те, кто устанавливает правила, уверены, что если ребенка не заставлять учиться, не придушить его химией, физикой и алгеброй, то он все свободное время будет заниматься ерундой. Такие люди хотят заставить детей делать все из-под палки.

Не надо недооценивать чистого интереса к жизни. И на место, освобожденное от занудной долбежки и непонятной писанины, встанут не компьютерные игры, наркотики и дискотеки, а здоровые увлечения (прогулки, художественные секции, спорт), позволяющие достичь гармоничного развития.

Дети перегружены, учителя перегружены… В чем же причина? Напрасно вы бы искали ее в каком-то конкретном человеке. Мы все — жертвы глянцево-пластиковому Молоху, который, как спрут, опутывает Москву, Россию, всю Землю, вытягивая из людей жизнь…

Е. Байнов

Московская Патриархия
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

ОПТОВАЯ ЛАВКА

Предлагает большой выбор церковной утвари:
Иконы разных форматов на дереве, на пластике, на керамике, на бумаге.
Производство и распространение ламинированных икон.
Киоты под стандартные иконы на дереве.
Изготовление киотов на заказ.
Свечи (парафин, воск)
№№ 140, 120, 100, 80, 60, 40, 30, 20, полиелейные.
Свечи «праздничные» и «иерусалимские» разных цветов, венчальные.
Лампадное масло российских производителей: 0,5 л., 1 л., 5 л., 50 л., 200 л.
Уголь, ладан, благовония греческие и отечественные.
Церковное вино.
Видео и аудио продукция, CD (в т. ч. издания Новоспасского монастыря).
Изделия из серебра. Церковная утварь из латуни.
Изделия из фарфора, керамики и т. д.

Православная литература
Более 2000 наименований по издательским ценам (в т. ч. издания Новоспасского монастыря).
Священное Писание. Творения Святых Отцов. Жития Святых.
Богослужебные книги. Книги по искусству.
Книги по церковному пению.
Пособия для педагогов, учебники.
Большой выбор детской духовной литературы для разных возрастов.

Склады расположены на территории монастыря.
Возможна доставка.

тел./факс: (095) 676-93-71, 676-99-90
115172 Москва, Крестьянская пл., 10,
ст. м. «Крестьянская застава»
E-mail: m-novospassky@mtu-net.ru

Православное молодежное объединение «Молодая Русь»

Приглашаем Вас принять участие в деятельности православной молодежной организации «Молодая Русь». Организация располагается на территории Новоспасского монастыря в Москве и является добровольным объединением православной молодежи на основе служения Богу, Церкви и ближнему.

Объединение «Молодая Русь» имеет следующие цели:
1) содействовать единству молодых людей в Православной Церкви;
2) помочь невоцерковленной молодежи открыть для себя Православие, обрести истинные ценности, ориентиры, жизненную опору, получить подлинные условия для развития своего внутреннего потенциала;
3) способствовать вовлечению молодежи в деятельное социальное и миссионерское служение;

Приглашаем Вас посетить наш Интернет-сайт: www.molrus.ru. По телефону 8-906-760-00-22 можно прослушать информационное сообщение о ближайших мероприятиях .

Пишите по адресу molrus@mail.ru. Также можно оставить сообщение на пейджер по тел. 797-4444 для аб. 117960.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

22 сентября 2005 года в день 625-летия Победы на Куликовом поле состоится открытие VI части программы благотворительного духовно-просветительского цикла «Возвращение на Родину»
20 вечеров с выдающимися деятелями Русской Духовной культуры.

22 сентября Вас ждут фильм Б. Карпова «На поле Куликовом»; встреча с учеными Н. Н. Лисовым (президентом Императорского общества «Русская Палестина»), с доктором исторических наук А. В. Ефремовым (отдел рукописей РГБ), профессором С. В. Перевезенцевым, М. М. Крюковым (МГУ).

Автор и ведущая – Лина Мкртчан

Начало всех вечеров **в 18:30**
Адрес Культурного центра «Маяк»
Ст. м. «ул. Ак. Янгеля»,Ул. Газопровод, д. 9а
(в пяти минутах ходьбы от метро)

ВНИМАНИЕ: ПОДПИСКА на 2005-2006 гг.

Уважаемые подписчики!

С января 2005 г. *"Православная юношеская газета"* перешла в ранг журнала и *изменила свое название.*

Редакция считает, что новое наименование

Православный молодежный журнал «Наследник»

более точно соответствует направленности и содержанию издания.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца объемом 44 и более страниц.

Журнал издается на Ваши пожертвования!
Ориентировочная сумма пожертвования – 150 руб./ полгода.

Условия оформления подписки
К нам можно прийти (приехать) и оформить подписку, или перечислить пожертвования на наши банковские реквизиты:
Р/с – 40703.810.5.9000.0000.254
в КБ «Русский Банк Развития» (ЗАО) г. Москва
К/с – 301.0181.05.0000.0000.297
БИК – 044585297
ИНН – 7705665159 КПП – 770501001
В графе «назначение платежа» указать: «Пожертвование» и далее указать сумму, срок подписки и количество экземпляров.

Прислать свои **пожелания** и **статьи** можно по адресу:
Кому: Новоспасский монастырь, редакция журнала «Наследник»
Куда: 115172, Москва, Крестьянская пл., 10, Новоспасский монастырь.

Приехать в редакцию можно с понедельника по пятницу с 10:00 до 17:00.
Проезд – ст. м. «Пролетарская» или «Крестьянская застава», Новоспасский монастырь, воскресная школа, 2 этаж, редакция.
Тел. (095) 676-69-21;
E-mail: Naslednik-magazine@yandex.ru

Мы просим вашей молитвенной помощи и посильного участия в распространении нашего журнала в ваших регионах.

Красота, как воздух, которым мы дышим. Если он есть, мы его не замечаем. А если его нет, мы задыхаемся. Нам трудно дышать. Поэтому красота узнается по дыханию. Если тебе все нравится, ты всем доволен, ты не чувствуешь несправедливости, неправды мира – значит, у тебя проблемы с красотой.

Темы следующих номеров:

верность
честь
простота
справедливость

